

РУССКИЙ ИСХОД

Фильм в 2 главах

Леонид Шлимонов

Сценарий

Музыкальный фильм

Режиссёр

д.8002, городской округ Сестрорецк, 79-я линия, 10, к. 101, тел. 8(812) 240-00-00

РУССКИЙ ИСХОД

«Быть или не быть?» — это вопрос, который всплывает в голове каждого из нас. В фильме «Русский исход» герой Леонида Шлимонова — капитан морской пехоты Борис — решает этот вопрос, когда ему предстоит высадка на остров Крит. Но для этого ему предстоит пройти через множество опасностей и испытаний.

Борис — герой, который не боится сражаться, но и не боится сдаваться. Он умеет находить в себе силы, чтобы продолжать борьбу, даже когда кажется, что все потеряно. Борис — настоящий герой, который способен преодолеть любые трудности и преуспеть в своем деле. Он является примером для других людей, которые хотят жить свободной жизнью и не поддаваться никому. Борис — герой, который всегда будет в нашей памяти.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Фильм «Русский исход» — это история о том, как люди могут преодолеть любые препятствия и добиться успеха.

Санкт-Петербург

2008 г.

2008 г.

Шлимонов Л.

Русский исход. Сборник. – СПб, «Искусство России», 2008 г.
296 стр.

В России наверняка не многие знают об Ассирии – государстве, претендовавшем в Древнем Мире на мировое господство. 26 веков назад она исчезла с лица земли, и по сей день не видно даже признаков её возрождения. Разрушили её, как сказали бы сегодня, совместные силы внутренней и внешней реакции.

В данной книге собраны три работы, казалось бы, не связанные друг с другом. Но лишь на первый взгляд. В первой изложена документальная хронология бедствий русских беженцев, вынужденных покинуть в 90-е годы территории бывших советских республик. Во второй работе сформулирована не программа выхода из кризиса, в которую впала сегодня Россия, а одна из версий более справедливого и, что не менее важно, **русского** характера государственного и общественного устройства.

В третьей – на опыте личной биографии автора повествуется об ассирийцах, ставших изгоями человечества и не находящих себе места под солнцем. Все 26 веков!

ISBN 978-5-98361-053-8

© Шлимонов Леонид Хамисович

нороды, инородцы, национальность, диаспора, языки, геополитика и т.д. Но, как известно, в России всё это движется в тандеме с политической жизнью, то есть властями. Чем дальше, тем лучше. Поэтому я не буду здесь — как впрочем говорят «плохой журналист» — рассказывать о том, что происходит в стране. Скажу лишь, что вновь годами не могу забыть тот момент, когда в Новосибирске, в зале суда, я видел в Нижнем бассейне реки Енисей, в котором всплыли тела погибших в результате взрыва на подводной лодке, виновников трагедии. Тогда я вспомнил, что в детстве слышал про инородцев...

Инородцы

«Свои» скажут, что это слово изначально означало в Нижнем бассейне Енисея, а не в Новосибирске. Но я не могу забыть этого момента в московской подземной. Каждый раз, когда я ездил в Новосибирск, я вспоминал про инородцев, про инородческую трагедию в Балаклаве, про инородческую трагедию в Биробиджане, про инородческую трагедию в Барнауле. И я вспоминал про инородцев... Инородцы...

В дореволюционной России этим словом обозначали подданных Российской империи нерусского происхождения. В обиходе оно звучало как нечто недостойное. Вроде как свой, российский, и в то же время чужой, не русский. И отношение к нему было, как к чужому. Хотя и к инородцам оно было разным: к «своим», коренным народам России, — одно, к другим, «пришлым», то есть тем, чья исконная земля за пределами России, — другое.

После революции с появлением множества национально-государственных образований это слово выпало как-то из употребления, но проблема как таковая осталась, несмотря на все большевистские усилия (первоначальные, правда) по достижению равноправия наций.

Каково же на самом деле, знают только сами инородцы.

Такая проблема, разумеется, имеет место не только в России. В любой стране, я думаю, инородец ощущает ту атмосферу, которая постоянно ему напоминает (пусть даже маленькими штрихами), что живёт он не у себя на родине. Даже при наличии большой своей диаспоры.

На этих страницах я попытаюсь замолвить слово о народе, чьё «инородство» не вписывается даже в эти общепринятые рамки. Не знаю, быть может, в мире есть и другие народы, на долю которых выпадало столько бед и несчастий. Но знаю наверняка, что сегодня в любом обществе и в любой стране наш народ является изгоям. Я

говорю об ассирийцах, очень древнем народе, чья история насчитывает, пожалуй, более четырёх тысяч лет.

— Боже мой! — в отчаянии восклицала моя матушка. — Цыгане — эти пройдохи, жулики, конокрады — имеют своё имя. Их знают не только по уличным гадалкам. У них свой театр, ансамбль, они изучают свой язык. А мы?.. Забытые богом и людьми. Боже! За что такое наказание?

И в самом деле, за что? Не десница ли судьбы карает нас?..

В Библии я нашёл место, где божьими устами сказано об ассирийцах: «Я произведу суд над народом, у которого они (то есть евреи — Л.Ш.) будут в порабощении». У ассирийцев в порабощении они были. В том числе и пророк Наум, кому «посчастливилось» видеть падение столицы Ассирии Ниневии. В своём пророчестве он не скрывал злорадства: «А о тебе, Ассур, Господь определил: не будет более семени с именем твоим..., потому что ты будешь в презрении».

Ну что ж, с презрением, возможно, пророки не ошиблись. Что же касается семени, то, наверное, они, как сказали бы сегодня, превысили свои полномочия.

Да, ассирийцы, несмотря на двадцать шесть веков забвения и презрения, живут и продолжают жить, не имея ни родины, ни «имени», ни территории, на которую они могли бы претендовать просто как аборигены. Правда, в разговорах между собой они — нет-нет, да и называют современный Ирак родиной своих предков. Хотя и понимают, что возврата им этой земли, как то произошло с евреями в 1948 году, не будет. И в первую очередь потому, что эта акция не только евреям, но и всему международному сообществу по сей день не даёт покоя.

Хотел было написать в предыдущем абзаце «живут и размножаются», да убрался второго слова. Потому что сегодня ассирийцы больше растворяются в иноплемённой среде. Как говоривали прибалты при распаде СССР: «Мы боимся уйти в песок». Хотя говорили лукаво, ибо их никто не лишал государственности. А ассирийцы в песок, к сожалению, уходят. Уходят, потому что рассеяны по всему миру и в каждой стране они ассимилируются с местным населением. Увы, такова природа бытия. Приходится удивляться лишь, как до сих пор наши предки сумели сохранить не только

свои обычай, традиции, свой язык и облик, но и просто себя как физический тип, как народность. По некоторым данным, в мире и по сию пору насчитывается более двух миллионов ассирийцев. По данным Ассирийского Конгресса СССР в 1991 году их в Союзе насчитывало чуть более 50 тысяч. Сегодня в России, разумеется, меньше. Так каково же нам, всеземным инородцам?..

***

Рано утром, где-то около четырёх часов, меня, восьмилетнего мальчишку, разбудили мрачным голосом и велели поскорее одеться. В комнате горел свет. За столом сидела мать с каким-то незнакомым военным человеком и отвечала на его вопросы. Все остальные сновали по дому и в спешке повязывали какие-то узлы. У меня сон мгновенно улетучился. «Наверно, друзья дяди Вани вернулись с учений, — подумал я, — и сейчас начнётся застолье» (дядя Ваня — муж моей старшей сестры Нины, офицер Советской армии). Застолья у нас были редким явлением, но я тайно жаждал их, так как после них всегда можно было чем-то вкусным полакомиться.

Наскоро одевшись, я побежал в уборную. Находилась она у нас во дворе, в самом дальнем его конце. Выйти во двор можно было либо через дверь, как обычно выходили все взрослые, либо через окно, что часто делали мы, пацаны. Распахивая раму, мы переваливались через подоконник и оказывались уже на бетонном балконе, откуда лестница вела прямо во двор. Однако в этот раз запрыгнуть мне не удалось: снаружи у окна стоял часовой, остановивший меня жестом руки:

— Ты куда, мальчик?
— В туалет, — недоумённо ответил я.
— А где он у вас?
— Там, — показал я рукой в сторону уборной.

— Ну, ладно, иди, — неожиданно смягчился часовой, и я побежал.

Но обратно я пошёл не домой, а выбежал на улицу, чтобы полюбопытствовать, отчего раздаётся такой сплошной гул моторов. Очнувшись на улице, я обомлел: по проезжей части одна за другую

гой вереницей шли машины. Грузовые машины: полуторки, ЗИСы, студебеккеры. Вся улица была заполнена ими, а они всё шли и шли, размеренно, без суеты, словно на параде.

Одна полуторка остановилась и у нашей калитки.

Я в радостном возбуждении побежал домой сообщить, как много машин я видел на улице. Но мою радость почему-то никто не разделил. Старший брат сунул мне в руки узелок, старый деревянный чемоданчик и велел идти за ним. Мы в сопровождении часовогого вынесли это на улицу и погрузили в машину.

— Куда мы уезжаем?

— Не знаю, — буркнул брат и поспешил обратно домой. — Торопись, нам дали полчаса на сборы.

Это много позже я понял, что же с нами произошло в тот несчастный для нас и многих тысяч ассирийцев день 14 июня 1949 года. Мы жили тогда в небольшом городке Ханларе, в восьми километрах от азербайджанского города Кировабада, ныне Гянджи. В то прекрасное солнечное утро в нескончаемой веренице машин нас повезли в Кировабад, и с тех пор я не видел больше своего маленького, родного городка.

***

По тем временам наша семья была средней: пять сестёр и два брата. Мой отец работал в колхозе, мать управлялась с детьми и хозяйством в доме. Отец изредка брал меня с собой на работу, и я видел его с большим металлическим ранцем на спине и длинной трубкой, соединённой с ранцем резиновым шлангом. Из этой трубы он опрыскивал виноградники раствором медного купороса. Из неё же он в другое время опылял те же виноградники какой-то серной пыльцой с неприятным запахом. Если я в эти дни бывал с ним рядом, то он обычно отгонял меня подальше, а сам надевал защитные очки и респиратор.

Часто отец приносил домой сено для нашей коровы Чало, которую мать очень любила за вкусное и обильное молоко. Она называла её нашей кормилицей. А сено отец действительно приносил, а не привозил. Он взваливал его себе на спину, точнее, на голову.

Когда он шёл по дороге, видны были только его ноги. Издалека он казался огромной, самостоятельно передвигавшейся копной сена.

Таким же образом он приносил домой хворосту. Много хвороста. Сухого и колючего. Им мать растапливала большую печь-плиту на кухне, откуда шло тепло и в комнату, одну-единственную, в которой жила вся наша семья. Плита эта кормила нас и обогревала в холодные времена. Хворосту отец приносил много, но ни разу я не помню, чтобы он приносил дрова. И в памяти у меня не отложилось, чтобы я у кого-то видел поленницу. Видел, как лепёшки пекли в тандыре, бывало, жгли костры на природе или тонкий лаваш выпекали на большой металлической полусфере — и везде применяли хворост. Он был самым доступным топливом Закавказья. Хотя применяли иногда и кизяк, но это уже чаще для копчений, так как от него было больше дыма, чем огня.

Жили мы в немецком доме, добротном, каменном, вместительном. Ханлар был немецкой колонией и назывался он прежде, если не ошибаюсь, Хелендорфом. В 1941 году немцев сослали в Сибирь и Казахстан, а дом их поделили для нескольких семей. Одну комнату — спальню — вместе с кухней выделили нам, в ещё меньшей комнате жила наша бабушка со своим младшим сыном, моим дядей, которого все звали странным именем Бабося. А гостиная была забронирована за городской прокуратурой, и там жили прокурорские помощники, часто сменявшие друг друга. Вот в таком «коммунальном» доме мы и обитали в те времена.

Эти отрывочные воспоминания из моего раннего детства полны теплоты и света. Много солнечного света. Я не помню ни одного радостного дня, где бы лил дождь или падал снег. Хотя, конечно, эти явления природы и для жителей Закавказья знакомы.

Хорошо врезался в моей памяти лишь один пасмурный день. Я бы даже сказал — туманный. Было это 19 января 1949 года. Ранним утром отец повёз меня крестить в одну из православных церквей Кировабада. Такое позднее для меня крещение родители объясняли тем, что в нашем городе церкви не было. Единственную церковь ещё в тридцатые годы отдали под спортзал русской школы, а в Кировабад, да ещё во время войны, добираться было не просто. Сыграло свою роль, очевидно, и то, что моя мать, в общем-то верую-

щая, к попам относилась, мягко скажем, недружелюбно. Потому она и в тот раз не поехала с нами в Кировабад.

Когда мы приехали, на площади перед церковью гудел праздник. Площадь, полная народу, глазела на священнослужителей, которые, держа множество хоругвей с изображением Христа, ходили по кругу и пели церковные песни. Из толпы подпевали им и истово крестились. Позже, когда открыли двери храма, все, кто был на площади, кинулись на паперть. А там творилось что-то невообразимое: давка, толкотня, тихая ругань. Люди усердно работали локтями, чтобы попасть в церковь, которая, конечно, не могла вместить всех.

Меня с отцом эта волна и вынесла на самую середину большого церковного зала. Народу было так много, что я вначале ничего, кроме купола и впереди стоящей спины, не видел. Однако я был в полном очаровании от пения церковного хора и изящества купола над головой, который я с удовольствием разглядывал. Мне казалось тогда, что это и есть уже крещение, и было несколько обидно, что вот так «choхом» крестят такие большие массы людей. Но когда праздник закончился, и прихожане разошлись, отец мне сказал, что только сейчас начнут крестить тех, кто остался.

Во время крещения мне показалось, что церковные служители выполняли свою работу как-то равнодушно, без страсти, без трепета. Для них это было что-то вроде заурядной будничной работы. У меня же всё внутри светилось, и я досадовал, почему у священников нет на лице этой радости. Я благоговейно исполнял все предписания, предусмотренные обрядом крещения. Лишь в одном месте и, наверное, самом важном (у большой купели), я, похоже, заупрямился. Когда поп притронулся к голове и слегка пригнул её, мне подумалось, что он возьмёт сейчас другой рукой меня за штаны и головой вниз окунёт в воду, как младенца. И я упёрся в борт купели. Но не тут-то было. Батюшка-креститель, нисколько не смущаясь, пригнул сильнее меня и трижды окропил голову водой.

Такой вот процедурой и завершилось моё крещение. Возвращался я домой с некоторым чувством досады. Видимо, ожидал я чего-то большего. Но зрелище было столь необыкновенным и впечатляющим, что в памяти моей отпечаталось на всю жизнь. Оттого и запомнился этот хмурый зимний день Закавказья, день Богоявле-

ния, как усвоил я позже, или по православному – день крещения Иисуса Христа.

***

На кировабадской железнодорожной станции, в самом дальнем её тупике, нас погрузили в товарные вагоны. Это были маленькие двухосные вагончики или «теплушкы», как тогда их называли. В вагоне только с одной стороны отворялась дверь. С другой стороны как дверь, так и окна были нагло заколочены. У заколоченной двери стояла параша, и прямо над нею висел обыкновенный алюминиевый умывальник.

Вид этой неприкрытой параши расставлял все точки над «и»: для нас это означало, что мы отныне вне закона и никто над нами не разыгрывает шуток. Выставить неприкрытую парашу на всеобщее обозрение выглядело неким символом унижения загнанных сюда людей: стариков, женщин, детей. Всеобщее возмущение выразил вслух дядя Надыр, старший брат моей мамы, семья которого тоже оказалась в одном вагоне с нами:

– Экое безобразие! Нас, гляди, уже и за людей не принимают.

В первый же день эту парашу огородили, сделали нечто подобие ширмы из тонкого покрывала, но ощущение униженности сохранилось на всём пути следования.

По обе стороны от двери – сплошные двухъярусные нары, куда сгружали и скарб, и людей. В каждый вагон набивалось по сорок-пятьдесят человек, из коих по заведённому НКВД порядку «выбирали» старосту — единственного, кому позволялось иметь сношения с конвоем.

В нашем вагоне старостой был избран дядя Надыр. Иногда он брал меня с собой на так называемый пищеблок – большой вагон, в котором работала армейская кухня. Там выстраивалась длинная очередь, поскольку вагонов было не счесть. Сколько людей загнали в эти вагоны, нам, конечно, было неизвестно. Несомненным было то, что их было много, вероятно, больше тысячи человек. Но очередь продвигалась быстро, сказывался большой опыт работы НКВД в этой области.

Людей набили и держали в изнуряющей жаре и духоте трое суток. Многие негодовали, что на сборы дали полчаса, а здесь держат невылазно уж который день. И действительно, никого никуда не выпускали, к составу никого из «воли» не подпускали. На крики же, вопли и просьбы «арестованных» часовые не реагировали никак.

Обитали мы, конечно, далеко не в комфортных условиях. Умывались только по утрам, без мыла и чтоб «меньше плескались». Такое напутствие сопровождало нас, детей, всякий раз, когда возникала нужда заглядывать за ширму. Впрочем, и без неё там долго мы не задерживались: не слишком приятно умываться над парашей. А уж зубы чистить и вовсе позабыли. Мать, очевидно, догадываясь о переживаемых мною чувствах, шепнула мне как-то на ухо:

— Чтобы реже туда заходить, меньше кушай. И воды старайся меньше потреблять.

Я последовал её совету и, надо сказать, не пожалел — то был хороший урок дорожной гигиены. Между прочим, забегая вперёд, скажу, что за всё время следования в пути в таких неблагоприятных условиях не вспыхнула ни одна эпидемия. Да что эпидемия! Люди просто не болели ничем. Это уже потом, изучая документы, я узнал, что из нашего эшелона «в пути было снято трое больных (рак, аборт и дистрофик-ребёнок), умерших не было».

Поразительно! Как во время войны.

***

Только на четвёртые сутки, ночью, наш состав сдвинул с места, и мы отправились в далёкое путешествие. Событие это разбудило весь вагон, и в его разных углах вплоть до утра тихо журчали беседы. В эту ночь никто, по всей видимости, не спал. Людей охватило некое волнение, их зарили раздумья о неизвестном будущем.

Из разговоров, что велись в вагоне истово и пристрастно, я понял, что сослали только нас, одних ассирийцев, которых сочили «врагами народа» и выслали как социально опасных элементов. Ка-

кую опасность мы представляли для другой части населения того же города Ханлара, никто объяснить не мог. И потом, рассуждали взрослые, если мы враги народа, почему не было суда над нами. Удивляла и выборочность «социально опасных элементов». Дядя посмеивался над моим отцом:

— Скажи, колхозник, для кого ты опасен? Какой заговор ты готовил против советской власти?

Каким образом делили ассирийцев на «хороших» и «плохих»? Почему такая спешность была в выдворении? В каких инстанциях принималось решение о ссылке? Все хором вдруг стали вспоминать, как за месяц до нашей высылки город заполонили азербайджанцы, которых переселили из пограничной с Ираном зоны. Вот они, очевидно, представляли опасность, их надо было высыпало, но в Баку, наверное, перенесли, и нас теперь высыпают вместо них. Надо написать в Москву, что Багиров (первое лицо в республике) злодействует и выгораживает настоящих врагов народа. Но они азербайджанцы, а мы кто. Ассирийцы, за нас и постоять некому. Теперь их поселят в наши дома, и всё нами нажитое пропадёт, никто ничего нам не вернёт.

Такие рассуждения жгли сердца, вызывали обиду, и люди плачали от своего бессилия. Но мысль «написать в Москву» засела крепко, и некоторые писали тут же, в поезде, не дожидаясь приезда к месту назначения. Кстати, какое место нам суждено было обживать, тоже не было известно никому.

Долго думали и над тем, как отправлять письма? В нашем распоряжении никакой почты не было. Не станут же часовые принимать «кляузы» от «врагов народа». А если и примут, то, конечно, передадут начальству. Что такое прослыть правдолюбцем — для нашего общества объяснять не надо. И всё-таки нашли способ доставки известий на волю.

В наших вагонах с «лицевой стороны», то есть там, где дверь открывалась, маленькие оконца не были заколочены. И стёкол не было. Только решётки. Так вот письма выбрасывали через эти решётки. Но выбрасывали не на стоянках, где часовые могли их заметить и подобрать, а во время движения поезда на полустанках или в населённых пунктах: тут и скорость поезда мала, и есть надежда, что кто-то из случайных людей подберёт письмо и отправит по назна-

чению. Правда, никто так и не узнал, было ли хоть одно письмо, отправленное таким образом, доставлено адресату. Но отчаявшиеся «враги народа» верили и писали.

Были ещё несуразицы, не укладывающиеся в логику нормальных людей.

Нашу семью, например, сослали не всю. То есть не все в семье оказались врагами народа. Две старшие сестры остались. Они были к тому моменту уже замужем: одна годом раньше уехала с мужем жить в Астрахань, другая – Нина – жила со своим офицериком в небольшом флигеле у нас во дворе. 14 июня зятя дома не было. Он был отправлен на учёбу в Батуми на целых полгода. Нина дважды посыпала ему телеграммы с просьбой вернуться, поскольку всю семью сослали, но он этих телеграмм не получал. Тогда она по подсказке «знающих людей» дала телеграмму, что дочь при смерти, и спустя два дня муж приехал. Отсюда они сделали вывод, что телеграф был под наблюдением, и никакая информация о ссылке за пределы города не выходила.

Под контролем были и дома сосланных: их жильё опечатывалось, и никого из родственников к имуществу не подпускали. Впоследствии эти дома были заселены незнакомыми людьми, очевидно, теми, кого переселили из Карабаха. Новая хозяйка сообщила сестре, что когда они вселялись, квартира была пуста, в ней не было ничего. Так это было или нет, нам уже не суждено было узнать.

Уяди случай был ещё более нелепым. В день ссылки его жена Юхавар была на курорте в Пятигорске. Каким образом она узнала об этой беде, постигшей семью, не знаю. Наверное, их соседи тоже дали «хитрую» телеграмму. Но она успела приехать, когда мы ещё томились в духоте на кировабадской станции. Она бегала вдоль вагона и просила часового пустить её к семье. Но часовой отгонял её, нашёптывая ей на ухо, что лучше ей свободной поехать туда, куда сошлют её семью. Она не понимала, что значит «свободной» или «несвободной», ей важно было быть вместе со своими детьми и мужем.

Вызвали начальника. Он её выслушал, вписал в списки, и через минуту её втолкали в вагон. Дело было сделано, и путь назад для неё был так же закрыт, как и для всех её родных.

***

Долг был этот наш путь в неизвестное, долг и тягостен. Ни на одной станции двери не открывались. Её лязг и скрежет раздавался лишь тогда, когда такая необходимость возникала у начальства или по так называемому хозяйственному расписанию: для доставки пищи, воды и т. д. Ходили мы на пищеблок сами, без сопровождения нас часовыми, но, конечно, в общем оцеплении. Впервые отворились двери на стоянке для прогулок, когда мы перевалили Урал. «Гуляли» мы только у вагонов. Вокруг стояло знакомое уже оцепление для предотвращения побегов и контактов с «внешним миром».

Как с нами обращались? Да никак. Часовые лишь окрикивали нас, когда мы что-то нарушали, а разговаривать не разговаривали. Им это, по всей вероятности, было запрещено. Помню только одного щуплого, невысокого капитана в очках, с которым наш староста вёл все переговоры. На нас он не кричал, грубо не разговаривал, наши возмущения гасил безукоризненно нейтрализующей фразой: «Я доложу начальству». Кому и что он докладывал, никто не знал, но ответов, по-моему, мы никаких не получали, за исключением одного: «Вы сосланы правильно и навечно. Ошибок тут никаких нет». На вопрос «куда нас отправляют?» отвечал: «Не знаю».

Неведение наше несколько рассеивалось, когда нам удавалось прочесть названия крупных станций, мимо которых мы проезжали. По этим названиям выходило, по мнению взрослых, что везут нас на Дальний Восток. По этому слушаю мы, ребяташки, вспомнили песню и, время от времени вдыхая у оконной решётки свежий ветерок, распевали её:

Синее море, красный пароход,

Сяду, поеду на Дальний Восток.

На Дальнем Востоке пушки гремят,

Белые солдаты убитые лежат.

Мама стала плакать, слёзы проливать,

А папа уехал на фронт воевать.

Брошу я подушку, брошу я кровать,

Сяду на лягушку, поеду воевать.

В дороге мы как-то потеряли ход времени. Ощущение было такое, что едем месяц, а то и два. Но это, как позже выяснилось, нам только казалось. Примерно через две недели пути в Новосибирске, где поезд загнали в самый дальний тупик железнодорожной станции, нас вдруг высадили из вагонов, построили и под конвоем повели в баню. Там отделили мужчин от женщин и завели в предбанник. Это было большое помещение с множеством массивных скамеек. Вдоль одной стены предбанника тянулся длинный прилавок, за которым стояло несколько женщин. По приказу конвоира все, раздевшись, сдавали свою одежду этим женщинам. Те принимали её, не разворачивая, запихивали в пронумерованные наволочки и называли номер. Каждый должен был запомнить свой номер, чтобы после бани получить одежду. На помывку давали мочалку и небольшой вонючий обмылок. После бани мы с отцом и братом обтирались одним вафельным полотенцем, выданным на троих. А одежду, которую приняли у нас, не постирали, а просто прокалили сухим паром. Так ответил мне отец на вопрос, почему одежда такая горячая.

Это была первая в моей жизни общественная баня, где я видел так много голых моющихся людей.

А дальше — всё тот же размеренный стук колёс, всё те же соломенные матрасы, пахнущие плесенью и мышами, всё та же вонь отхожего места, от которой мы спасались лишь у решётки окна. Там был и свежий глоток воздуха, и великолепное кино: где бы такие пейзажи мы могли увидеть в те времена. Место у окна было вожделенным, но сидели там лишь старухи и малые дети, а мы, как, впрочем, и все остальные — по «расписанию», очень ограниченными временами.

Однажды на какой-то станции мы заметили такой же товарный состав, как у нас. Но шёл он в противоположную сторону и, что нам показалось странным, все двери вагонов были распахнуты. В проёмах стояли черноволосые мужчины и, облокотившись о перекладину, пели песню. Во многих вагонах пели эту песню, и я запомнил одну, часто повторявшуюся фразу: «Ингер Микоян». Взрослые, услышав эту песню, растолкали нас от окон и смотрели, не шелохнувшись, пока поезд не скрылся и не умолкла эта песня.

— Вот видите! — крикнул кто-то из дальнего угла. — Армяне своего добились, они донесли правду, и в Москве разобрались. Скоро и с нами разберутся. Не может же быть такого, чтобы в Советском Союзе без суда арестовывали.

— Жди-жди, — иронично ответила моя мать. — Только у нас в Москве своего «ингера» нет.

В вагоне все знали, что *ингер* по-армянски означает *товарищ*, и никто лишних вопросов не задавал.

— Этих армян из Нагорного Карабаха сослали, как тех азербайджанцев, что месяца два назад в Ханлар пригнали, — не унимался тот же голос. — Но это же, как ясный день, понятно, что тут Багиров натворил. Неужели там не разберутся, что и с нами так поступили?

— Эх, дорогой, — вздохнул дядюшка, — у них, кроме Карабаха, есть ещё республика. Армения называется. Слышал про такую?

— При чём тут Армения?

— При том, что это их родина, и она в составе Советского Союза. А твоя родина где?

Мгновенно спор этот осёкся, и в вагоне долго стояла гнетущая тишина.

***

О том, что когда-то Ассирия слыла великой державой, у нас сегодня знают немногие. Во всяком случае, по моим наблюдениям, школьный курс истории такого следа в памяти не оставляет. Лишь те, кто профессионально изучает Древний Мир, владеют некоторыми сведениями об этом государстве. И поскольку у большинства эта тема не вызывает особого интереса, то спустя не так уж много лет её почти забывают. Между тем, история ассирийского государства охватывает почти два тысячелетия — времени больше, чем ныне охватывает вся история России. Русский историк М. В. Никольский в конце XIX века писал: «Очагом ассирийско-аварийской культуры являются древне-месопотамские царства, основанные в эпоху за пять и более тысяч лет до Рождества Христова в южных пределах Месопотамии, около Персидского залива. За две тысячи лет до Р.Х. возникает на Евфрате вавилонское царство со своим

всемирно-историческим центром – Вавилоном; затем ещё севернее, на Тигре, выступает одноплемённая с Вавилоном Ассирия, сперва в качестве провинции Вавилона, а затем в качестве соперника и, наконец, – мировой монархии, покорившей себе Вавилон, и все окрестные страны».

Из великих держав Ассирия, пожалуй, единственная, которая исчезла. И, по всей видимости, – навсегда. Что же касается народа, потерявшего свою родину, то эта трагедия переживается им до сих пор. Из поколения в поколение передаются изустно все наиболее значимые события прошлой жизни своего народа, походы ассирийской армии и интриги царского двора, воплотившиеся потом в легенды, притчи и другие интересные сказания.

Мой отец был великолепным знатоком старинных притчей, сказок, легенд, в том числе и древнейшей легенды о Гильгамеше, этого эпоса народов Месопотамии. И не только знал, а чудесным образом преподносил. Люди его слушали, затаив дыхание. Как рассказывала мать, в 30-е годы отец записался в школу ликбеза и вечерами ходил на занятия. А однажды она услышала от соседки, как отец очаровал их семью сказками, которые он рассказывал у них прошлым вечером. Мать устроила скандал:

– Это так ты в школу ходишь?

Отцу была закрыта дорога в школу. Он и потом очень жалел об этом, но не потому, что в анкете у него значилось «безграмотный». Страсть к познаниям, по всей видимости, в его натуре была.

Много позже, в Сибири, я, бывало, заставлял его за чтением заметок в обрывках газет, которые он постоянно носил с собой. Читал он долго, по складам, и такое чтение, конечно, его быстро утомляло. Впрочем, будучи неграмотным, отец знал шесть языков, так же, как и мать, которая кроме языков закавказских народов владела ещё и немецким.

Ах, как я потом жалел, что не записывал по свежим впечатлениям изумительные рассказы отца!

Правда, и в детстве отец пережил неудачную попытку посещения школы, но об этом он вспоминал без сожаления, а с некоторой долей юмора, хотя на самом деле ему тогда было не до смеха.

Отправляя сына в школу, родители его лелеяли мечту иметь в своем доме хоть одного мало-мальски грамотного человека, даже не представляя себе, какую пользу будет иметь семья от обученности своего сына. Но... к школе готовились всерьёз: мальчику купили новую рубаху и штаны, пошили холщовую сумку, отец нарезал и отшлифовал две деревянные дощечки для письма (тетрадей у них не было), завернули в тряпицу несколько угольков. Утром мать его искупала, как следует, и, перекрестив, напутствовала:

– С Богом, сынок!

Когда отец вошёл в класс, там уже шли занятия. Дети сидели на полу и, скрестив ноги, держали на них дощечки, на которых выводили какие-то палочки. Учитель с линейкой в руках стоял у доски и объяснял детям, как писать буквы. Ожидая указаний, отец в нерешительности продолжал стоять у двери. Учитель подошёл к нему и строго произнёс:

– Покажи руки!

Отец с радостью протянул ладони, желая похвастаться, как чисто ему помыли руки. Но учитель неожиданно狠狠 ударили линейкой по его рукам. Отец взвыл от боли, обругал учителя матом – и был таков. С того дня никакие уговоры и даже угрозы не помогли вернуть его в школу.

Случай этот произошёл, когда жили они ещё в Турции и отцу было лет восемь-девять. Школа была ассирийской, а учителем – местный священник.

***

В один не совсем прекрасный, пасмурный день двери вагона, как всегда, с грохотом распахнулись, и к вагону вплотную подогнали кузов полутонких, в котором сидело два вооружённых конвоира. Раздалась команда: «Выгружайся!»

Что тут произошло! Люди разом вскочили, засуетились, начали спешно и с радостью укладывать свои пожитки. «Боже, - вздыхали бабки, крестясь, - наконец-то. Куда же нас теперь?» Но этот тревожный вопрос в то время уже никого не тревожил. Долгая дорога так утомила, что рады были куда угодно, лишь бы выбраться из этого опостылевшего вагона. Все почему-то захотели в первую машину попасть.

Дядя Надыр успокаивал:

– Не устраивайте базар. Вывезут всех. Куда вы торопитесь? Курорт нам здесь не приготовили.

Да, курорта не было. Был город и, судя по всему, большой. Но везли нас, конечно, не по центральным улицам, а какими-то захолустьями. Улицы в рыхлинах, полных грязи, были безлюдны. Да и домов не было видно. Сплошные деревянные заборы, высокие, непроницаемые.

Машины шли одна за другой, почти как в Ханларе. Только там было солнечное утро, а здесь хмурые сумерки, что придавало ещё большую угрюмость всей этой процессии. Не снижая скорости, машины въезжали под каменную арку в просторный, заасфальтированный двор. Как впоследствии мы узнали, это была пересыльная тюрьма города Томска.

Справка: В городскую тюрьму Томска было выгружено 4663 человека из 4-х эшелонов, прибывших в город в течение 27, 29 и 30 июня 1949 г. Наш состав №97101, сформированный 14 июня 1949 г. в Кировабаде, был последним. Он доставил в Томск 1705 человек, в том числе 200 детей до 3-х лет. Среди всех эшелонов имел место один случай смерти: умерла 82-летняя женщина, «страдающая декомпенсированным пороком сердца и артериосклерозом».

– Ну, как вам курорт? – подтрунивал дядюшка. – Какой изволите получить номер: четырёхместный или люкс?

Однако, для нас ни люкса, ни какого-либо другого номера не хватило. Мы расположились прямо во дворе, на асфальте. Дали нам только брезент для укрытия вещей от дождя. И очень кстати, потому что в первую же ночь пошёл дождь. И мы лезли под этот брезент, а он, как Тришкин каftан, не способен был укрыть нас всех, так что, провозившись всю ночь с перетягиванием брезента, мы утром выбирались из-под него мокрые и не высавшиеся.

Много семей бедствовало в таком же положении. Почти весь тюремный двор был загроможден такими однообразными горками барахла, и на них сидели люди. Беготни и игр детишек, как обычно бывает в среде большой массы людей, в тюремном дворе не наблюдалось. Всё-таки ощущалась какая-то придавленность настроения, царившая среди взрослых. И это, конечно, отражалось на детях. Тем более что прямо перед глазами тянулся длинный кирпичный забор с вышками для часовых и колючей проволокой.

Завтракали все в тюремной столовой. В несколько смен. Питание ничем не отличалось от того привычного уже, что давали в дороге. Только сильно пахло хлоркой, отчего и кушать совсем не хотелось.

После завтрака мы с братом «изучали» достопримечательности тюрьмы. Вошли внутрь длинного барака, куда свезли тех, кому «повезло» первыми загрузиться в машины или прибывшими сюда другими эшелонами раньше нас, и удостоверились, что нам не худшая досталась доля. В нём не только «люксов», но и обычных тюремных камер не было. В огромном мрачном помещении вдоль глухих стен стояло два ряда трёхъярусных коек, а посередине узкий и длинный проход. Пространство между койками было завалено вещами. На весь этот огромный барак – два зарешеченных окна в торцах здания, стёкла которых еще были забелены мелом. В полумраке, духоте и тесноте колыхалось людское море. Воздух был тяжёл и смраден. И клубы табачного дыма пластами поднимались к потолку, на котором висело несколько ламп, светивших в это дневное время.

***

Дня через три-четыре тюремный двор снова заполнился машинами. И снова – погрузка, снова – тряска на ухабах под конвоем, снова – неведомый доселе путь. Привезли нас на речную пристань и погрузили в баржу. Следовательно, опять – дорога, но теперь водная.

Баржа наша, по моим представлениям, была огромной и предназначалась, как ни странно, для перевозки людей. Два треугольных

навеса над люками, ведущими в трюмы — носовой и кормовой, а между ними небольшая рубка — вот и все надстройки. По периметру палубы — ограждения, чтобы избежать «случайных падений», а на корме — единственное на всю баржу отхожее место, окрещённое нами «ласточкиным гнездом».

— Ну что, рыжий, — шутил надо мной дядя Надыр, — теперь уж точно на Дальний Восток поплыvём.

— В самом деле? — радовался я.

Дядя хототал:

— Ты же сам видишь.

Для меня Дальний Восток был краем света, экзотическим, недосыгаемым, полным приключений и романтической жизни. Туда мне очень хотелось и потому в душе теплилось предчувствие чего-то необычайного, но хорошего.

Нас разместили в кормовом трюме, просторном, глубоком, в четыре ряда заставленном уже знакомыми трёхъярусными нарами. Состояние трюма нас вначале напугало. Нам показалось, что баржа не пригодна к плаванию, и она утонет тут же, как только её отвяжут от причала. Половицы под ногами хлюпали, и оттуда выступала мутная вода. При малейшем волнении вся баржа зловеще скрипела и вода под ногами колыхалась, словно ниже этих половиц не было никакого днища. Разумеется, невозможно было укладывать свой скарб на полу, и мы закинули его на третью полку, а сами теснились на двух нижних. Тем временем наш староста выяснял у матросов, не пойдёт ли эта баржа ко дну, когда мы поплыvём. У некоторых возникли даже подозрения, не хотят ли нас специально утопить. Утонула баржа — и все концы в воду. Ищи потом ветра в поле.

— И искать не будут, — подытожил разговор староста. — Но если здраво рассуждать, нас могли бы утопить и на Каспии месяц назад. Была бы нужда везти нас за тысячу вёрст?

— А что сказали матросы?

— Они сказали: не бойся, дед, эта баржа тебя переживёт.

Наше плавание длилось недолго: не то неделю, не то две. Река — не море: берега медленно проплывают вблизи, и взору предстают картинки сибирской тайги. От самой кромки воды и далее тянутся непролазные лесные чащи, местами лиственные, местами впере-

межку с могучими хвойными гигантами. Редко когда мелькнет на берегу светлым пятнышком прогалина, залитая солнечным светом. Ещё реже встречались селения. Непривычные для нас деревянные дома выселились на бугорках чёрными пятнами, а ниже их стелились огороды, засаженные в основном картошкой.

То были первые наши впечатления о «той, сибирской» жизни, для нас ещё не знакомой.

Баржа наша шла на буксире за небольшим и очень дымящим пароходом. На палубе «валандаться» никому не позволялось, все сидели в тёмных, едва освещаемых трюмах. Видеть «прелести» береговой жизни мы могли, только когда отпросишься в туалет. Там, сидя на корточках над бурлящим водоворотом, в щёлку изучали местность. Когда удавалось видеть людей на берегу, работавших на своих огородах или у кромки воды ловивших рыбу, замечали, каким настороженным взглядом они сопровождали нашу процессию. Надо полагать, что те, молча и безотрывно глядя нам вслед, догадывались, какой «груз» везла наша баржа.

Но, как ни старайся, картинки эти долго разглядывать не приходилось: через какое-то время в дверь гальюна ломились очередные «любители природы».

В одно прекрасное утро, выйдя на палубу, я не увидел берегов. Над водой стлался туман, и наш буксир время от времени оглашал окрестности сиплым протяжным гудком. Наверху было зябко, и мне не было нужды долго торчать в «ласточkinом гнезде». Ближе к обеду, когда солнце разогнало туман, нашему взору предстала совсем иная картина: мы вышли на просторы могучей сибирской реки Оби. Берега раздвинулись, на них ничего уже невозможно было разглядеть. У самого борта шумно плескались свинцовые волны, и баржа от этого скрипела пуще прежнего. Речные просторы Оби да при низких берегах были величественны, они внушили уважение и страх. В этих условиях человек ощущает себя песчинкой, и на душе становится неуютно.

Но плыли мы по Оби недолго: через каких-то два-три дня причалили к берегу, где стояло много катеров и барж. Нам приказано было переселяться в новые баржи, маленькие, но сухие и добродушные. Как показало дальнейшее плавание по малым таёжным речушкам, они не скрипели, хотя местами, бывало, скребли своим

днищем речной песок. Но именно на этих баржах мы и доплыли до своего конечного пункта.

Когда поступила команда выгружаться, людей сначала взяла оторопь: кругом тайга, не видно ни одного жилища, а у самого берега, куда причалила баржа, небольшой участок вырубленного леса.

Ступив на берег, мы тащили свои пожитки по крутым склону на эту делянку. Ну что ж, рассуждали взрослые, коль лес вырублен, значит, и люди недалече. Каждая семья облюбовывала себе пень, вокруг которого и располагалась. Правда, гулять по лесу не дали: делянку оцепили конвойные. Никто из наших не имел ни малейшего представления, куда нас привезли. Чутьём только безошибочно определяли, что очень далеко. Но даже здесь, в глухомани, по периметру всей поляны стояли конвоиры.

— Не падайте духом, люди, — подбадривал нас не унывающий староста. — Не всё ещё потеряно. Раз конвойные стоят, значит, мы кому-то ещё нужны.

На следующий день к нам на делянку приехали «покупатели». Их телеги расположились на опушке, а сами они пошли высматривать «товар». Затем выступил с краткой речью какой-то местный начальник. Он объяснил, что сюда приехали представители разных предприятий и колхозов района, которые произведут отбор нужных для них специалистов и затем нас развезут по местам « дальнейшего проживания».

Справка: в район было доставлено 417 семей «выселенцев-турок» с общим количеством 1712 человек. Из них 326 семей (1438 человек) были расселены в 32 колхозах района.

В нашей семье решение принимала мать. Она сразу поставила условие: поскольку ни у кого в семье никакой специальности нет, то нам совершенно безразлично, какая деревня лучше, какая хуже, главное, чтобы была поближе — сил больше нет томиться в дороге.

***

Так мы очутились в посёлке Сухом, что находился в четырёх верстах от этой делянки.

Нас расселили по домам местных жителей. Мы попали в бедную семью, к Суворовым, и жили у них больше месяца. Изба их была маленькой, но в общем-то типичной для глухих сибирских деревень: небольшие сенцы и просторная комната с массивной русской печью в углу. У них в семье было четверо (младший еще в зыбке качался) да нас семеро — вот такой «колхоз» расстился на полу. На единственной кровати спали только хозяева. Из мебели были ещё стол кухонный, небольшой деревянный сундук и нечто, похожее на шкаф.

Относились к нам Суворовы на первых порах (как, впрочем, и остальные) очень настороженно, глядели недружелюбно, исподлобья. Причиной тому, как мы узнали потом, были наставления коменданта, которые он излагал на собрании колхозников, проведённом накануне нашего приезда. Колхозникам он объяснял, что приедут турки, народ горячий, вспыльчивый, чуть что не так, кинжалами вспорют брюхо. Ходят они все, в том числе и малые дети, с ножами, так что лучше им (то есть нам) ни в чём не перечить. Ясное дело, напуганное население не могло нас встретить иначе, как самым недоброжелательным образом. Это потом, когда разобрались, что за «турки» приехали, в наших отношениях с местными лёд растаял. Но для этого потребовалось время.

На следующий день всех новоприбывших созвали в клуб на первое собрание. Выступали там председатели сельсовета и колхоза, но в первую очередь — комендант. Он сначала проверил по своим спискам, все ли прибыли на собрание, а затем сразу, без обиняков, заявил, что сосланы мы все навечно в этот сибирский край. И посему наша обязанность — трудиться ударно на благо трудящегося народа, чтобы искупить перед ним свою вину. В чём мы провинились перед народом, он разъяснять не стал, но предупредил, чтобы все — от 16 и старше — еженедельно и без напоминаний отмечались в комендатуре. Всякая неявка будет рассматриваться как побег со всеми вытекающими последствиями. Наши недоумевали, какие ещё могут быть последствия, когда засыпать дальше, поди, уже некуда. Свободно перемещаться можно было только в пределах посёлка и близлежащих полей колхоза «Новый быт». Бригадирам и звеньевым предписано было не направлять «турок» на дальние стойбища без особой на то надобности.

— Боже мой, как жутко слышать «сосланы навечно»! — вздыхала тётка Анна.

— Ничего вечного в мире нет, — философски отвечала ей моя мать.

— Твои бы слова да Богу в уши.

Взрослых «турок» распределили по бригадам, ни у кого не ис- прашивая какого-либо пожелания, детей — по школам. Не взирая на то, что в Азербайджане все мы обучались в русских школах, нас снова посадили за парты того класса, который закончили. Так что мне лично пришлось дважды проходить курс второго класса.

Поначалу в нашем посёлке была только начальная школа. Дети постарше зачислены были в семилетнюю школу соседней деревни Малиновки, что за семь вёрст от нас, а старшеклассников — в районную школу. Район располагался в большом селении с каким-то нерусским названием Бакчар, в 20-и километрах от Сухого. Отмечаться в комендатуре должны были и школьники от 16 лет и старше.

Со временем мы, конечно, освоились в новых и непривычных для себя условиях: разница между Сибирью и Закавказьем, безусловно, существенная. Тем не менее, мы довольно быстро познакомились с местным населением, которое в целом отнеслось к нам с сочувствием и пониманием. Произошло это отчасти ещё и потому, что всё местное население прошло через ужасы ссылки. Первые поселенцы были из раскулаченных крестьян, и они появились там в начале тридцатых годов. С их слов, нам ещё повезло: мы приехали в уже обжитой поселок, где есть дома, есть ферма с плохоньким, но всё же поголовьем разного скота, где поля уже раскорчёваны и районная МТС худо ли бедно, но техникой всё же помогает. Из этого следовало, что к моменту их прибытия всего этого не было. Вместе с первыми раскулаченными в эти глухие края были сосланы мордовцы и чуваши. Перед войной и после неё поступило много литовцев и латышей, эстонцев в наших краях почему-то не было. Последними прибыли мы. Уже на месте мы узнали, что кроме нашего состава из Ханлара, сюда были сосланы ассирийцы и из других городов Азербайджана — Шамхора и Акстафы. И никому из нас не ведомо было, сколько тысяч семей было насильственно

снято с насиженных мест и отправлено бог весть куда без всякой на то причины.

Сегодня много пишут и говорят о том, что людей сажали в лагеря и ссылали по решениям судов или демонических «троек». Их решения были сфабрикованы либо по ложному доносу, либо по злому намерению НКВД, но, тем не менее, эти суды были. То есть соблюдалась некая видимость правосудия. По национальному признаку ссылали тех, кто по официальным данным сотрудничал с фашистами. Так объясняли высылки немцев Поволжья, эстонцев, латышей, литовцев, крымских татар, чеченцев и многих других. Но по нашей ссылке не было не только судов, но и никаких вообще объяснений.

Турки — и всё!

Месяца через два мать добилась от правления колхоза выделения для нас и семье её сестры, тётки Анны, жилья. Нам было предоставлено двухкомнатное складское помещение с отдельными входами в каждую комнату. Это было всё же лучше, чем жизнь у Суворовых. Поставили в комнату печку-буржуйку, вывели трубу в окно и почти зажили благополучно. Почти я говорю с грустью, потому что тогда мы вообще не знали, что такое жить благополучно.

Дома хозяйничали старшие две сестры. Старший брат и родители работали в колхозе. Мы их видели только поздно вечером, когда они, усталые, возвращались с работы.

А работали они от зари до зари, часто впроголодь, на морозе, из-девательски понукаемые бригадирами, которые могли за любую оплошность или оговорку лишить человека трудодня, той самой злополучной «палочки», которая слыла показателем трудовой доблести колхозника. Весомость же этой «палочки» определялась осенью, когда после «расчётов» с государством в колхозных амбарам подсчитывали остатки урожая.

В Сибири я полюбил картошку.

Мы, конечно, и на Кавказе знали, что это за «фрукт», но если бы там его и не было, то люди от этого не очень-то и огорчались бы.

Картошка же в Сибири – это альфа и омега всего питания. А в первую зиму нашу семью она в буквальном смысле спасла от смерти.

Холодá в первую осень наступили рано. Вместе с ними всё явственнее проступала угроза для нашей семьи (да и для всех ссыльных) погибнуть от холода и голода. Никто из новоявленных турок представления не имел, сколько нужно заготавливать дров и продуктов питания на зиму. Ждать, что кто-то тебе поможет – всё равно, что ждать смерти. В этой ситуации нужны были решительность и инициатива. Мать теребила правление колхоза до тех пор, пока оно не разрешило нам брать с поля столько картошки, сколько сможем взять. Вначале такая щедрость нас удивила. Но когда мы с мешками пришли на колхозное поле, прозванное «восемью гектарами», всё стало понятным.

С неба густо валил снег. На поле возвышалось несколько гуртов убранной, но не вывезенной картошки, уже засыпанной снегом. Расчищая картофелины от снега и грязи, мы набивали ею мешки, а отец таскал их домой. Там он картошку вываливал прямо в прихожей и возвращался назад, чтобы мы снова набивали эти мешки картошкой.

Лишь в сумерки мы вернулись домой с обмороженными пальцами рук. Я впервые тогда ощутил ту боль, что испытывает человек, когда руки отогреваются и «приходят в чувство».

– Ничего, – успокаивала нас мать, – теперь мы с картошкой. До завтра она оттает, и пока мы будем с отцом на работе, вы её переберёте.

Мы её перебрали. Много было обмороженной, но выбрасывали только совсем «раскисшую». Наряду с хорошей оставляли и прихваченную морозом. Её мы называли «вяленой» картошкой. В сыром виде она была удивительно вкусна. Или мы были так голодны? Не знаю. Но тогда мы впервые узнали, какой сладкой бывает мороженая картошка.

Так с этой картошкой мы пережили первую суровую для нас сибирскую зиму. Из неё мать готовила не только блюда, но и пекла хлеб вперемежку с мукой и отрубями. Круглая буханка хлеба получалась почему-то синей. В первый день она, тёплая и пахучая, была ещё съедобна, но на второй или третий день она затвердевала и ста-

новилась безвкусной. Поэтому куски такого хлеба мы сначала замачивали в супе, щах или чае.

Картошку же для теста мы не варили, а натирали на самодельной тёрке. Натирали целый алюминиевый таз, предназначенный для стирки белья. Мать, приходя с работы, доливала в таз воды и отжимала этот картофельный «жмых». В тазу оставалась только белая мутная жидкость. Утром муть оседала на дно. Мать сливала аккуратно воду, а муть просушивала. Так мы получали крахмал, который мать сдавала в заготконтору в качестве налога.

Много было тогда налогов. Впоследствии, когда у нас был огород и небольшая живность: корова, поросёнок, овцы, куры, в налог мы сдавали масло, яйца, шерсть, шкуры свиные, овечьи, коровьи. А в первую зиму сдавали только крахмал, хотя своего огорода ещё не имели. Налоги эти были обязательными, и никаких денег за это мы не получали.

Тяжко приходилось и моему старшему брату Володе. Каждую зиму его по разнарядке отправляли в леспромхоз, что по сути означало – на каторгу. Там такие же молодые ребята из ссыльных, как он, валили лес и складировали его для вывоза на лесосплав. Жили в бараках, работали под конвоем. Из орудий труда – только топор и двуручная пила. Норма дневной выработки была сверхжёсткой. Если звено из двух или трёх человек не выполняло норму, начальство рассматривало это как невыход на работу и потому это звено не получало ни одного трудодня. То есть ты в этот день не зарабатывал ничего.

Нам не ведомо было знать, получал ли что-нибудь колхоз за этот каторжный труд своих работников в леспромхозе, знали только, что леспромхоз обязан был перечислять заработанные трудодни в колхозную контору. Но как это было на самом деле и насколько справедливо и добросовестно выполнялась эта бухгалтерия, ведомо было одним начальникам.

Выходной давали только раз в месяц. В этот день Володя приезжал домой, чтобы помыться в бане и взять с собой немного пропитания. Помню, когда он приезжал, мать первым делом вычёсывала из его шевелюры вшей. Боже, сколько их было!

Первой осенью, когда уже повалил снег, мы купили домик у литовцев, получивших вольную. Они сразу уехали на родину и по-

тому продали дом задёшево. Деньги на дом прислала сестра Нина. Мы были первыми из новеньких ссыльных, которые купили жильё. Маму ругали, зачем она бросает деньги на ветер, мол, скоро нас тоже отпустят.

Но нас не отпускали. Ни через год, ни через два, ни через три. Многие не выдерживали такой жизни, заболевали туберкулёзом или просто умирали от переохлаждений и болезней. Умерла и наша бабушка в холодный и снежный март 1953 года, почти в одно время со Сталиным. Жила она в нищете и душевном одиночестве. С нею жил лишь её младший сын Давид, тот самый, кого мы все звали Бабосей. К моменту её кончины этому младшему и неженатому сыну, бондарю по специальности, перевалило за сорок. В голове не укладывалось, как эти люди, впрочем, как и мои родители, и все, кого я знал по ссылке, могли стать врагами народа? Какое враждебное действие совершено ими по отношению к советскому народу? Кого они убили, ограбили или хотя бы оскорбили?

Это уже сейчас, вспоминая смерть бабушки, я думаю о том, какую подлую шутку сыграла над нею судьба. Могла ли эта старая женщина, родившаяся в Турции, жена богатого помещика, представить себе, что кончит свою жизнь в глухом тайском краю Сибири? Могла ли она в младые годы думать о таком конце своей жизни?

Очевидно, была некая символика в том, что злой гений, причастный к такому повороту её судьбы, умер в одно время с нею. Но смерть «отца народов» не сразу принесла изменения. Мы продолжали работать и учиться, «сглаживая свою вину перед трудящимся народом».

Кажется, на третьем году нашей ссылки родителей определили работать на ферму. Мать ухаживала за телятами, а отцу дали отару овец, бракованных, как говорила зоотехник, то есть больных бруцеллёзом. И чтобы они не заражали других овец, решено было их вывести за пределы фермы до осени, а там, мол, будет видно.

Отправили отца с этой отарой на дальний кульстан за семь километров от поселка. В помошь ему мать отправила и меня. Мы пасли овец и жили там, в сторожке, совершенно одни. Иногда мать или кто-либо из сестёр приносили нам пищу, но чаще мы сами готовили себе еду. Воду брали из родника в логу, что был под самыми окнами сторожки, тут же, рядом, купались в пруду, в котором

иногда и овец купали. Словом, выхаживали больных овец – и никаких тебе больше забот. Отец, правда, раз в неделю отправлялся в деревню – отмечаться в комендатуре.

Так мы прожили всё лето, а осенью к нам наведалась комиссия, чтобы определить, в каком состоянии находятся овцы. За лето наше стадо заметно прибавилось, и потому кровь на анализ брали как у старых овец, так и у молодых. Каково же было их удивление, когда обнаружилось, что овцы здоровы!

С того времени изменилось отношение к нашей семье. Мы постоянно утверждались на ферме, и уже вся колхозная отара овец была закреплена за нами. С того времени же я ежегодно пропадал летом на выгонах и пас овец с отцом. Не один год фотография отца висела на Доске почёта в колхозной конторе, как передовика (то была единственная фотография отца за всё время ссылки).

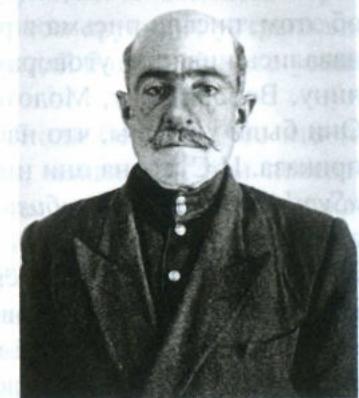
В какой-то год (уж не помню, какой) по итогам года нашей семьи была выдана премия – 27 живых овец, из них три председатель колхоза Безрученко вручил лично мне.

Между прочим, этот председатель резко отличался от предыдущих своим, скажем так, нестандартным поведением, выражавшимся, прежде всего, в его заботливом отношении к рядовому колхознику. По этой ли причине или нет, но его вскоре сняли с должности и отдали под суд, а на его место прислали Круглова, бывшего председателя Бакчарского райисполкома, который тоже по каким-то причинам не угодил высокому начальству.

***

– Папа, а моя родина – Азербайджан? – как-то спросил я своего отца.

– Ну, если место, где ты родился, есть родина, значит, так, – как-то неуверенно ответил он.

— А ты где родился?

— Я, как и твоя мать, родился в Турции.

— Значит, ваша родина — Турция?

Отец немного помедлил и ответил:

— Значит, так.

— Тогда правильно нас обзывают турками. Может быть, в России не знают, кто такие ассирийцы? Ведь государства Ассирии нет?

— Да нет, сынок, думаю, знают.

— Почему же тогда нас зовут турками?

— Значит, кому-то так надо.

Мы не знали тогда, кому это было нужно. Многие, чтобы узнать об этом, писали письма в разные инстанции. Мои родители не поддавались никаким уговорам и не писали, в отличие от других, Сталину, Ворошилову, Молотову и другим советским руководителям. Они были уверены, что нас сослали не только с их ведома, но и их приказа. И Сталина они никогда не называли иначе, как по кличке: «*Symbil baltha*» («Сымбиль балта»), что в переводе с ассирийского означает «Усы топором».

Только младшая сестрёнка, которой тогда было четыре годика, возмущалась этим. Она говорила отцу:

— Ты не мой папа. Мой папа — Сталин. Я когда вырасту, напишу ему, и он меня заберёт отсюда.

Все эти чудачества малютки воспринимались с улыбкой, и порой родители ещё подначивали её.

Помню, когда Сталин умер, отец, вернувшись вечером с работы, прямо с порога обратился к младшей дочери со словами:

— Ох, доченька, осиротела ты сегодня. Умер твой отец.

Сестрёнке тогда было уже шесть лет, но она всё ещё твердила, что её отец — Сталин.

Это известие напугало мать:

— О чём ты говоришь, старый? Не дай бог, кто услышит!

— Да нет же, — успокоил её отец. — Говорят, сегодня по радио передали.

Смерть Сталина даже там, в глухом уголке Сибири, где жили в основном одни ссыльные (только одни раньше были сосланы, другие — позже), была воспринята не однозначно. На школьной линей-

ке, где наряду с учителями выступали и ученики, многие плакали, иные втихую утирали слёзы. К тому времени мы с сестрой Рени учились в Малиновской семилетней школе. По случаю траура занятия в школе на целых два дня были отменены, и мы сразу после траурной линейки отправились домой. Пешком, по снегу, через лес.

На колхозном собрании атмосфера была более адекватной: выступали только представитель райкома партии, председатель колхоза и секретарь партийной организации. Остальные благородно молчали, потупив голову, никак не реагируя на призывы райкомовского представителя «высказаться по поводу нашего общего горя». Но никто не проявлял и радости, потому что все боялись. Страх был настолько велик, что даже дома, в узком кругу, не устраивали по этому случаю никаких праздников. Не дай боже, если кто узнал бы!

Вот написал эту фразу и задумался. Люди боялись, что кто-то узнает об их нестандартном, скажем так, мышлении или поведении. Боялись почему? Кто был этот кто-то, кого боялись? Не энкавэдэшник же, не представитель власти: их просто рядом не было. Значит, этот кто-то мог быть и соседом? Мог. И потому люди боялись. И потому ведомство Берии работало эффективно. То зло, о котором сегодня так смачно пишут все, кому не лень, порождалось теми самыми простыми людьми, которых мы привыкли называть трудящимися массами. Точнее, нас приучили так безлико их называть.

Впрочем, почему их? Мы все были в этой безликой массе.

***

А жизнь между тем шла своим чередом, взваливая на плечи каждого конкретные проблемы и радости. И каждый крутился, как мог, в этом жизненном водовороте, решая насущные задачи, как прокормить семью, как выучить детей грамоте, сберечь здоровье родных ему людей. В этом тягостном и незаметном существовании не было места «ни высокому искусству, ни большой политике». Впрочем, о каком искусстве может идти речь в ссылке! В нашем

посёлке первые пять лет вообще не было ни электричества, ни радио. Фотоаппараты и радиоприёмники были изъяты ещё в Ханларе, а приобрести в Сухом было негде. Да и купить их подпольным способом было не только накладно, но и невозможно. Приобщение к жизни нормальных людей, тех, кто имел возможность заниматься спортом, искусством, наукой, шло только через кино. Оно было для нас единственным окном в мир, окном в те дали, которые были для нас неведомыми.

Кинопередвижка приезжала к нам в деревню раз в неделю – когда в субботу, а когда и в воскресенье. Для нас, мальчишек, это был праздник. Когда не было электричества, мы подряжалась у киномеханика крутиль динамо-машину. За это он разрешал нам смотреть кино бесплатно. Поскольку кинофильм демонстрировался из одного кинопроектора, мы крутили динамо по десять минут, а во время перезарядки менялись. Получалось, что каждый из нас пропускал по одной части фильма, но, тем не менее, мы вникали в его суть и блаженствовали. Кино было для нас таким чудом, что мы и помыслить не могли, что бывают плохие фильмы.

Однако попасть на это чудо для нас было делом довольно проблематичным. Мать категорически запрещала нам посещать кино.

– Наша жизнь – вот вам лучшее кино, – говорила она. – Любуйтесь. Каждый день и бесплатно.

– Да что в ней интересного?

– Что интересного? Как Иван Кузнецов обманывает нас, приписывает себе наши трудодни – это не интересно?

– Нет, не интересно.

– В сорокаградусный мороз отец твой сено возит с полей. Приходит домой весь обмороженный – тебе не интересно?

– Это я и так вижу. А там, в кино, совсем другая жизнь.

– Врут в вашем кино. Нет другой жизни. Все так живут.

– Да что ты, мам, понимаешь?

– Я не понимаю, да?

И тонким гибким прутиком вжик! – по моей спине. Обожгло. Я отскакиваю, как ужаленный.

– Ну вот, всегда ты так.

– Это чтобы ты лучше соображал, что надо говорить.

Какими только доводами мы ни уговаривали её, она была непреклонна. Тогда мы под видом «сходить в туалет», который находился в огороде, убегали окольными путями в клуб.

Возвращаясь после сеанса домой, мы молили бога, чтобы дома все спали. Если окна светились, значит, взбучки нам не миновать. И доставалось нам так колоритно, что это было второе кино. И всё же через неделю мы снова убегали (в нас, очевидно, сидели такие же гены настырности), и нам снова перепадало от матери. Бывали случаи, когда мать сама приходила в клуб и во время сеанса громко, к нашему неописуемому ужасу, окликала нас на выход. В этом случае мы стремглав бежали домой, чтобы к приходу матери уже лежать в постели. И хоть постель у нас была общая (мы все спали на полу), лежачих мать не лупила.

До сих пор понять не могу, почему она так не любила кино.

***

Долгие столетия ассирийцы жили под игом персов, затем греков, римлян, турок, англичан, арабов. Это были столетия их выживания в недобром, скажем мягко, для них окружении. Почему они не объединялись при падении царств и империй? Что мешало им самообразовываться? Не тут ли отдалась страшным эхом разрушительность той бойни? Не тут ли сказалась потеря лучших сынов ассирийского народа? Лучших сынов, которых не доставало в нужный момент, чтобы объединить и вдохновить нацию?

Было ещё одно обстоятельство, очень важное, сыгравшее здесь роковую роль наряду с изъязвлённым наследством, – религия. Ассирийцы, принявшие христианство ещё в период Византийского владычества, оказались потом во враждебном для себя исламском круге. Любые попытки общественного движения в среде ассирийцев жестоко пресекались. Они не сумели так распространиться в среде других народов, как это сделали евреи, их же соседи, оказавшиеся в подобном положении. Они не сумели сплотиться и сохранить себя на земле своих предков, как это сделали армяне, их северные соседи. (Справедливости ради, следует сказать, что армянам повезло, что их территория, пусть даже частично, оказалась

вовлечённой в состав Российской империи). Они не сумели повлиять на сознание других народов, как это сделали те же евреи, подавившие миру свою философию – христианство. В их среде не нашлось ни богатых, ни влиятельных людей, которые смогли бы объединить свой народ в некое движение, подобное сионистскому, приведшему буквально в течение полувека к возрождению еврейского государства. (Впрочем, чего стоит это возрождение, мы видим и сейчас. Евреи и палестинцы уже 60 лет воюют, и конца этой бойне не видно).

Мне часто приходит в голову, возможно, несусветная мысль, что человеческое общество в какой-то степени представляет собой слоёный пирог. В каждом слое свой мир, своя аура. Люди врачаются в нём, порой не подозревая, что существует иной мир, иной уровень, иное качество жизни, иное мировоззрение. И человеку бывает невероятно трудно выйти за пределы своего слоя. Этот слой, как клеймо, отпечатан на его лице. По нему безошибочно определяют, чей ты: свой – не свой. Посмотрите: в одной только Москве что ни профессор – еврей, что ни чистильщик обуви – ассириец. Я, разумеется, далёк от понятия, делящего народы на хорошие и плохие нации, однако, не могу отвязаться от ощущения фатальной уготованности для нашего народа низшего слоя пирога.

Теперь историю назад не проиграешь. Да есть ли в этом смысл? У ассирийцев как не было, так и нет до сих пор ни вождя, ни лидера, ни личности, готовой повести за собой народ, но главное – у них нет идеи, способной вдохновить и собрать нацию воедино. Ассирийцы оказались народом, духовность которого за многие века выветрилась настолько, что каждая диаспора на свой риск и страх приспособливается к условиям страны проживания.

Сейчас, в связи с войной в Ираке, многие ассирийцы заявляют, что пришло время собирать камни (объединять народ на земле предков) и требовать от международного сообщества (то бишь ООН) возврата им северного Ирака.

У русских по этому случаю есть поговорка: «Мечтать не вредно». И я представить себе не могу, как это может произойти, памятуя, что там сейчас большинство населения составляют курды, которые тоже требуют если и не самостоятельного государства, то уж автономии – непременно. У курдов, верно, нет такой историче-

ской обоснованности на эту землю, как у ассирийцев. Но кто будет заниматься переселением народов? Яркий пример тому – Косово.

Давно как-то слышал я, будто в Ливане или в Египте живёт (или жил?) потомок царского рода, некто Мар-Шумун, обладающий «законным правом» наследования титула царя Ассирии. (В переводе с ассирийского приставка *Мар* означает хозяин, владетель, в данном случае, очевидно – *наследник фамилии*). Всем, однако, известно, что без государства и трона-то нет. Чем же он занимается?

– Да ничем, – в раздражении отвечала моя матушка. – Слышала я от одних ассирийцев, которые были у него: сидит, говорят, на троне, как всамделишный царь, и раз в неделю принимает челобитчиков. Когда входишь в залу, где он восседает, нужно пасть на колени и ползти к нему таким образом, потупив голову. Смотреть ему в глаза почтается дерзостью, и не дай кому бог допустить такую оплошность. Прежде чем выложить ему свою просьбу, нужно поцеловать полы его одежды и просить всеевышнего даровать ему много здоровья и долголетия. Цирк, да и только! Он же ничего не решает!

– Он богатый?

– Говорят, что живёт на пожертвования соотечественников, которые возлагают на него какие-то надежды.

– Какие?

– Не знаю.

В России широкую известность из ассирийцев получила, пожалуй, лишь одна Джунна Давиташвили, урождённая села Урмии Краснодарского края. Село это почти сплошь заселено ассирийцами (так, во всяком случае, было в 50-60-х годах XX века, когда мы после ссылки поселились рядом с этим селом, в станице Новоалексеевской). Не раз бывал я со своими друзьями и родственниками в этом селе. Нас особенно тянула туда «экзотика»: ассирийские свадьбы или какие-либо другие массовые гуляния. Нам интересно было слушать ассирийские песни, мы пытались даже вместе со всеми, «взявшись друг друга за плечи», танцевать в общем хороводе ассирийские пляски.

Село получило такое название в честь одноимённого персидского города, откуда ещё в конце девятнадцатого века переселились наши горемычные соплеменники.

***
откуда-то от оН... воры-штукатурки устроили вандалама в музее в Баку. Говорят, что это было вчера.

Говорят, на Кавказе люди знают своих предков вплоть до четырнадцатого колена. По-моему, очень хорошо выразился по этому поводу католикос армян Мкртич I (Айрик) в конце XIX века: «Дом и семья – это мир и предел маленького царства, на патриархальном троне которого сидят родители: отец, как царь, и мать, как царица – и управляют подвластной семьёй. В этом семейном царстве нет ни полицейского, ни меча, ни деспотизма, ни палки, и вместо всего – отеческая любовь и материнская нежность; воспитателем и учителем служит живой пример родителей». Почитание старших в нашем народе также является святым делом, и оно незыблемо соблюдалось на протяжении всех «безгосударственных» веков. В противном случае угроза «уйти в песок» для нашего этноса могла бы осуществиться в течение одного века. Но чтобы четырнадцать колен?.. Такого что-то я не помню ни в нашей семье, ни в тех, кого я знал.

У родителей я не спрашивал, каким образом они оказались в Турции, если эта земля не является землёй наших предков. Они её называли родиной, и для них это было естественным, поскольку они родились там. Кстати, удивительна сама этимология слова «родина» по-ассирийски. Звучит оно так: *athra* или *athura, athur*. Древнее название Ассирии – Ассур. *Аттуру* – Ассур являются однокорневыми словами, и в этой «одинаковости» заложен глубокий смысл.

Отец своих предков дальше дедушек и бабушек не знал. Они, по его памяти, «испокон веку» жили в этой небольшой деревушке близ озера Ван. Когда и каким образом его род поселился в тех местах, в доме у них никогда такую тему не обсуждали. Это уже потом, изучая историю, я понял, что ассирийцы заселяли берега Вана так же естественно, как и армяне, которым эта земля была родиной. И я не вижу в этом никакой загадки: географически Ассирия находилась рядом, и потому окрестности Вана были в числе первых земель, завоёванных ассирийцами. Тогда же, в древние времена, у ассирийских царей был такой порядок: завоёванные территории они заселяли своими соплеменниками, так называемыми колонистами. Те, получая от царского наместника землю, обустраивались на новом месте и несли охранную службу. Задачи у них

были примерно те же, что и у казаков, поселявшихся на окраинах Российской империи.

О сильном влиянии ассирийской культуры на Армению говорит и тот факт, что наскальные и клинописные надписи первых урартских царей были сделаны на ассирийском языке. Некоторые армянские историки еще в XIX веке полагали, что летняя резиденция ассирийской царицы Семирамиды (Шаммурамат) располагалась как раз на ванском острове, где и по сей день видны руины стен мощнейшего замка. Они даже считали, что одно из чудес света, а именно легендарные «висячие сады» Семирамиды, были не в Вавилоне, не где-нибудь ещё, а точно в её летней резиденции.

Родители отца были бедными крестьянами, имели небольшой клочок земли, корову, пару волов и с десяток овец. Свиней в их окруже держали лишь несколько семей и содержали их так, чтобы и соседи об этом не знали. Если такая информация доходила до турок или курдов, дом подлежал разорению. Поэтому многие ассирийцы даже не подозревали о существовании свиней.

Отцова семья по их понятиям была небольшой: три сына и одна дочка. Мой отец был младшим в семье, но работу крестьянскую познал с раннего детства. И это ему очень пригодилось в жизни, которая так и осталась крестьянскою до самой могилы.

Жили они в домах, сложенных из камня, рядом с которыми пристроены были сараи для домашних животных. Полы в комнатах были укатаны из глины, а в самом центре ее – яма тандыра с каменной облицовкой. Над тандыром (по-ассирийски *тинура*) в крыше зияла дыра (*кява*), сквозь которую выходил дым из комнаты. По окончании топки (и в не отапливаемое время) дыру, конечно, закрывали жестяной заслонкой, чтобы вслед за дымом из жилища не выдувало и тепло.

Не было у бедняков просторных дворов, как в имении Бар-Давида (родителей моей мамы), где дом был двухэтажный, с деревянными балконами, лестницами и полами, с амбарами, конюшнями, сарайми и погребами, заполненными всякой всячиной. Не было у крестьян табунов и бесчисленных стад домашнего скота, служивших в те времена мерилом богатства.

Мать о своей родне знала больше. Она рассказывала историю своего прадедушки Давида (от него и пошла их фамилия), который

прибыл к берегам Вана из Мосула, спасая себя от мести мусульман, угрожавших ему расправой за какие-то прегрешения. Тут он женился на овдовевшей красавице-ассирийке. Они и положили начало их роду. Очевидно, предки мамы были настолько инициативны и предприимчивы, что в течение двух поколений стали самыми богатыми людьми в своём селе. Из своего детства она помнит, что на них работало всё село, но, тем не менее, отец был очень прост в обращении, и все его любили. Он не брезговал принимать трапезу за одним столом с прислугой, в жаркие дни уборочной страды работал на полях наравне с крестьянами, спал с ними на сеновале.

Мамин дядя, брат её отца, служил священником в местном храме, и, судя по всему, вся их семья была в деревне почитаема. Мать была любимицей отца, и он часто брал её с собой в свои многочисленные поездки. С ним она неоднократно посещала город Ван, с ним была и на берегу озера, давшего название городу, любовавшаяся скопой на краски и в то же время красивой, по её словам, природой родного края.

В Сибири мне посчастливилось видеть, не считая бабушки и маминых сестёр и братьев, лишь двух людей, которых мать знала ещё в Турции – это их слуга Хошу и его жена, армянка по происхождению, Асмик. Жили они в Сухом с нами по соседству, и мать всегда с теплотой отзывалась о них. Упомянув о нём, добавлю, что этому «пожизненному» батраку советская власть ничего не дала. Единственная дочь их Ольга, больная церебральным параличом, передвигалась по поселку на костылях. И эти люди, всегда жившие в нищете, тоже оказались «врагами народа», социально опасными элементами.

Кончил свою жизнь Хошу трагично: его забодал колхозный бык, вспоровший рогами живот старика и кинувший его через себя.

В Турции же он был, как говорила мама, «домашним» слугой: то есть он работал только при доме, не в полях, не на пастбищах, и даже жил у них дома. Мать помнила и свадьбу этого Хошу, когда он привёл к ним домой свою армянку. И первое время, пока с помощью маминого отца не построили Хошу домик, он жил со своей молодой женой в их доме.

***

Мои родители часто рассказывали, как незадолго до войны (подразумевалась Первая мировая) они наблюдали в небе Турции «большую хвостатую звезду», которую все восприняли тогда как предзнаменование большой беды. И беда эта не заставила себя долго ждать. С началом войны, точнее, с приходом русских войск в Турцию, их жизнь резко изменилась.

Правда, сказать, что до того времени они жили вполне безмятежно, было бы тоже не совсем правильным. Впрочем, мать, действительно, могла такое сказать о себе: под защитой влиятельного и состоятельного отца она забот не знала. Чего не скажешь о моём отце. И не только потому, что жили они бедно. Его старшие братья, чтобы избежать призыва в турецкую армию, в самом цветущем и работоспособном возрасте бежали в Россию. Жили они где-то в Тифлисе в каких-то жалких лачугах, но и это для них было лучше, чем служба в чужеродной армии. Страдали от этого как сами братья, живя на чужбине, так и вся семья, лишившаяся рабочих рук. Оттого и отцу с раннего детства выпадало много работы.

И тем не менее, он с великой и нежной тоской вспоминал свои детские годы, красоты суровой природы своей родины. Кстати, мои родители, как, впрочем, и все выходцы оттуда, никогда не называли свою родину Турцией. По-своему они называли её «Osmallu» («Осмаллу»), что значило – Османская империя. В России называли её ещё Оттоманской империей или Блистательной Портой. Для них, живших тогда в Османской империи, не было границ между Ваном, скажем, и Мосулом, как это имеет место в наше время. И потому, как сказывала мать, её отец свободно разъезжал аж до самого Египта, звучавшего по-ассирийски совсем по-иному: «Mysry» («Мысыры»).

Однако с началом войны турецкие христиане своим поведением поставили себя, с точки зрения турецких властей, «вне закона». Мало того, что армяне, а с ними и ассирийцы, встречали русские войска хлебом-солью, но ещё и участвовали в вооружённых формированиях против турков, очевидно, рассчитывая, что Россия присоединит к себе территорию турецкой Армении, и они будут навсегда избавлены от мусульманского преследования. В памяти

людей ещё были свежи воспоминания о резне христиан в середине 90-х годов XIX столетия, когда мусульмане вырезали, по некоторым сведениям западной печати, до полумиллиона армян и ассирийцев. Страх перед возмездием вынуждал ассирийцев в разговорах между собой называть русских «синеглазыми», чтобы курды или турки не догадывались, о ком идёт речь.

У меня нет свидетельств, какую именно помощь оказывали русским мои предки. Родители сказывали, что русские войска до их селений не дошли и о боевых действиях они только слышали. Победы русских «аскеров» они с радостью передавали из уст в уста. Поначалу ни турки, ни курды христиан не трогали, очевидно, боясь русского возмездия.

Ситуация резко изменилась, когда русские войска стали покидать занятые ими территории без видимой на то, как казалось тогда нашим сородичам, причины. Позже мои родители объясняли это тем, что в России «началась буча», и их войскам было уже не до турецких земель. Они вынуждены были вернуться домой, чтобы усмирить революцию. На самом деле мы знаем, что причина была в другом: в неблагополучном положении русских войск на западном фронте. Как бы там ни было, но русские уходили, и вместе с этим началась неистовая, жестокая резня христиан.

Произошло это весной 1915 года.

***

О трагедии армян 1915 года знает весь мир. Европа требует от Турции признать факт геноцида армян. Об ассирийцах никто и никогда не заикается. Словно их не было и нет вовсе. Между тем, пострадали они в Турции не меньше армян. Их так же убивали, жгли, резали, насиловали, грабили. Турки уничтожали не армян как нацию, а христиан как иноверцев, осмелившихся в той войне выступить на стороне России. Поэтому и курды тогда были заодно с турками.

По рассказам родителей, в их округе свирепствовали именно курды. Турки попросту не жили в деревнях в их вилайете. Курдские вооружённые отряды ранними утрами на конях врывались в

деревню и истребляли всё мужское население от мала до велика. Первый налёт, как всегда неожиданный, в ассирийских сёлах унёс жизни почти четверти мужчин. Остальные успели разбежаться, кто куда. Но потом, поскольку налёты совершались без всякого «расписания», все мужчины, мальчики и даже старики укрылись в горах. В отместку курды стали избивать и насиловать девушек и молодых женщин, угонять скот. Никто не знал, как долго будут длиться эти издевательства и потому было принято решение уходить вместе с русскими, пока они далеко не ушли.

Отцы моих родителей были убиты курдскими башибузуками во время этих налётов. Моя мать рассказывала, что курды, зная, что семья их богатая, требовали ещё золото в обмен на сохранение жизни её отца. Дважды такая сделка сохраняла жизнь отцу. А он вечерами, в тихих беседах с женой, умолял её не делать больше этого.

— Меня не сегодня — завтра всё равно убьют. Ты подумай о детях. Одна, без золота, ты не поставишь их на ноги.

Так оно и случилось. Получив в очередной раз золото, башибузуки вывели отца в одном исподнем белье во двор и расстреляли на глазах обезумевших от ужаса жены и малых детей. Но и этого им оказалось мало. Они вывели из конюшен всех породистых скакунов и сожгли всё подворье. А труп отца, привязав за ногу к лошади, поволокли на окраину села. Вынести из дома не удалось ничего, поскольку курды во всё время пожара стояли в оцеплении и восхищались буйным пламенем.

Два дня жили погорельцы у родственников, пока не остывли угли на выгоревшем доме. Затем Хазрат, так звали мою бабушку (кстати, та самая, которая умерла в Сибири), вынесла из пепелища хорошо замурованный когда-то в дверном косяке кувшинчик с золотыми монетами царской чеканки, кувшинчик, который очень помог ей в дальнейшей жизни.

Маме моей было в ту пору лет восемь-девять, и, конечно, она помнила все эти ужасы в мельчайших подробностях. Но рассказывать всё она не могла. Да и не хотела. Только выборочно поведала нам несколько историй из той жуткой, по её словам, бесчеловечной жизни.

На рассвете бежали они из села большой толпой. Сразу за оконцем увидели мужскую руку, торчащую из земли. Мать закричала, что это рука её отца, и бросилась на этот холмик рыхлой земли. Как её ни оттаскивали, ни уговаривали, что сейчас много убитых и это может быть рука постороннего человека, моя мать была непреклонна:

— Нет, я знаю, это рука моего отца.

Когда извлекли тело, едва прикрытое землёй, все ужаснулись прозорливости этой маленькой девочки: там, действительно, лежал её отец. Бегство застопорилось. Пришлось совершить обряд захоронения. Правда, без подобающих не только рангу этого человека, а вообще всяких почестей. Так уж судьба распорядилась — вырыли могилку не на кладбище, а просто за селом, завернули тело в простыню и, немного попрочитав бесслённо, опустили в сухую каменистую землю предков, ставшей для них такой чужой и неласковой.

Бежали из села только женщины и дети. Мужчины ушли раньше, и какова их судьба, тогда ещё никто не знал. В их группе все дети мужского пола были переодеты в женские платья. Но это переодевание не всегда выручало их. Мужчины, независимо от возраста, были «вне закона» для мусульман.

Именно в их группе произошёл случай, запечатлевшийся в памяти матери на всю жизнь. Беженцы шли по горным тропам, когда откуда-то спереди на них с гиканьем налетел отряд курдских баши-бузуков. Командир отряда приказал проверить у беженцев узелки, нет ли там чего-либо ценного. Хорошо, что бабушка Хазрат ещё дома вшила все монеты в свою одежду с изнанки, так что все её богатство было, что называется, при ней, и курды ничего подозрительного не обнаружили. Тем временем командир, изучая толпу, подошёл к одному ребёнку, концом ятагана задрал его платье и, обнаружив, что это не девочка, а мальчик, не раздумывая, отсёк ему голову.

Над толпой раздался вой, люди попадали ниц, а мать убитого ребёнка, которому не было ещё и четырёх лет, потеряла сознание. Очевидно, командир отряда остался доволен своим поступком и не стал больше проверять детей. В этой группе, говорила мать, был и её младший брат. Правда, был он ещё грудным ребёнком и висел в

холщовой повязке на груди у матери, что, наверное, и спасло его от верной гибели.

Через некоторое время несчастную женщину привели в чувство, а тело её сына завернули в тряпицу и похоронили тут же, рядом с этой злосчастной тропой. И впредь уже не тропами решили идти, пусть даже горными, а по бездорожью. И чем труднее путь, тем безопаснее было для них.

Так они оказались в болоте, в котором к тому же было много змей и разных гадов. Но они шли, каким-то чудом пробираясь через болотные заросли, избежав змеиных укусов и вообще каких-либо ранений. Хотя избежать потерь как таковых не удалось: одна беременная женщина утонула в болоте, и её не смогли спасти. А когда вышли из болота и остановились, чтобы передохнуть и обсудиться, был убит ещё один мальчик (опять мальчик!). Группа эта датак и не поняла, кто и откуда стрелял. Люди только услышали даёткий хлопок, и мальчик вдруг завертелся выроном и упал.

Сколько дней они бежали до расположения русских войск, мать не помнила. И никто эти дни не считал. Их было много. Но они всё-таки вышли к русским. Войска стояли почти на границе, и беженцев расположили в лагере неподалеку от реки. Они в первую очередь были осмотрены армейским лекарем на предмет того, нет ли среди них прокажённых или больных инфекционными болезнями. И только после этого их покормили. Слегка. Люди были очень истощены. Им выдали пару-тройку одеял и указали место в лагере, где они могут отдохнуть.

Лагерь этот был не чем иным как большим полем, ничем не огороженным, в окружении небольших холмиков. На холмах стояли казачьи пикеты, а по дороге вдоль этого поля изредка проходили русские войска, как пешие, так и конные, вперемежку с пушками, повозками, полевыми кухнями. По мере накопления лагеря беженцами их отправляли партиями на берег Аракса и там переправляли уже на российскую сторону. Везло больше тем, кто переходил границу вместе с русскими на плотах. Если беженцев набиралось много, их самостоятельно отпускали на границу. Они преодолевали реку, кто как мог, и многиетонули в водах Аракса. Российские военные, не особо церемонясь, передавали армян и ассирийцев в руки жителей приграничных районов. Они-то и грели беженцев теплом,

участием, советом, предоставляли пищу, очаг, словом, учили их жить в новом государстве.

***
Такие же невзгоды пережил и мой отец.

Он потерял отца (моего дедушку по имени Татос) в первый же ночной налёт курдов на их село. Кстати, мои родители жили в Турции в разных селах, но, будучи ещё детьми, знали друг друга, поскольку приходились друг другу какими-то дальными родственниками. Отец со своей матерью не раз бывал в гостях в имении Бар-Давидов и видел там любимицу семьи малышку Синам (так звали мою мать). Конечно, в детстве он и предположить не мог, как в дальнейшем сложится его судьба.

А тогда, в грозную весеннюю ночь 1915 года, его жизнь висела на волоске от смерти. Выстрелы в ночи всполошили всю семью, но поскольку дом их стоял на окраине, курды почти одновременно с выстрелами ворвались в дом. Лишь мой отец, чьё спальное место было в самом углу, успел юркнуть через чёрную дверь, соединявшую жилую комнату с овчарней, и затеряться там среди овец. Выждать там первые минуты. За это время курды выволокли из дома во двор дедушку и его зятя и там их зарубили саблями, не обращая внимания на вопли и визг женщин.

Когда курды кинулись к соседнему дому, отец выскочил из своего укрытия, шепнул матери, что будет прятаться на пастбище (это место в семье знали все) – и был таков. Он не видел ничего, что творилось в деревне, не был на похоронах отца. Обо всём этом он узнал много позже из слов своей матери. А тогда в горах сошёлся с такими же молодыми ребятами-односельчанами, укрывавшимися от курдов. В одну ночь набралось там человек двадцать, и через день решено было двинуться на север «догонять русские войска».

Нагнали они их довольно быстро. Вероятно, арьергардные части России не торопились покидать Турцию. Но с военными отец мой пробыл недолго. Чем дальше уходили войска на север, тем сильнее возникало у него желание вернуться домой. Мальчишка впервые был оторван от семьи, и тоска всё более угнетала его. Вскоре один

армянин из его односельчан, примкнувший к ним позже, сообщил, что большая группа женщин и детей из их села ушла в горы и держит путь в Россию и что он точно знает, что в этой группе находятся его мать и сестра.

– Домой уже тебе никак нельзя. Надо и тебе бежать в Россию.

На другой же день, рано утром, отец мой побежал в надежде догнать своих или хотя бы встретить на переправе. Ему подробно объяснили, куда держать путь, какими дорогами бежать, как вести себя в случае встречи с русскими, но упаси тебя бог встретиться с турками или курдами.

Отец бежал в одиночку целый день. Бежал в самом натуральном смысле, время от времени сменяя бег шагом. Но страх подстёгивал, и он, не отыгавшись, снова переходил на бег, не забывая, однако, быть предельно осмотрительным.

Бог миловал его, отвёл от встречи со злодеями, но то, что он увидел на дороге, оставило глубокий след в его памяти. Бежал он по узкой горной дороге, на которой едва обозначалась колея от повозок. Поначалу ничто не отвлекало его внимания, но во второй половине дня, когда солнце уже клонилось к закату, отец заметил вдруг на обочине свёрток. Он осторожно подошёл к нему и неожиданно услышал не то слабый писк, не то стон, исходивший из этого свёртка. От жуткой догадки у отца застыла кровь в жилах. Он оцепенел и некоторое время тупо смотрел на этого грудного ребёнка, заплеленатого в тряпицу и брошенного на произвол судьбы. Как могла мать бросить своего ребёнка? Что произошло с этими людьми? Он не пытался разгадать эту тайну и потому, не долго думая, схватил этот свёрток и побежал дальше. Но не успел пробежать и несколько сот метров, как увидел такой же свёрток у другой обочины. На этот раз стона он не слышал, да и останавливаться не стал. Но таких брошенных младенцев он видел множество. Ребёнок, которого он подобрал, уже не подавал признаков жизни, и он его тоже оставил. Всех ведь не подберёшь, оправдывал он себя.

Сколько было таких брошенных несчастных, он не считал, но был уже твёрдо уверен, что по этой дороге бежали гонимые переселенцы, и он бежит в правильном направлении. И как он ни отворачивался от плачущих младенцев, один всё-таки так взял за душу, что отец поднял его и поклялся донести, чего бы это ему ни стоило.

Группу беженцев он нагнал, когда уже было темно. Он их услышал, когда они свернули с дороги, чтобы устроиться на ночлег. Отец, услышав родную речь, безбоязненно стал обходить уже прилётгших на землю людей, шёпотом окликая мать и называя себя. К неслыханной радости обоих мать откликнулась, и вскоре мой отец был уже в её объятиях.

— Что это? — спросила она, заметив свёрток.

— Да вот... подобрал, — как-то испуганно ответил он.

— Господи, да что же ты сделал! — приглушённо воскликнула мать. — Твоя сестра своего ребёнка не смогла донести, бросила его, а ты чужого подобрал.

На рассвете беженцы двинулись снова в путь. До переправы было уже недалеко. Каково же было удивление родных, когда при свете дня они обнаружили, что подобранный отцом младенец оказался ребёнком его сестры. Удивление отца было не меньшим.

В группе стали поговаривать на тему о том, что, очевидно, это — зов крови.

***

Немногочисленные свидетели бегства христиан из Турции так описывали в российских газетах состояние беженцев на русско-турецкой границе:

«Сбившись в кучу, двигается пёстрая толпа исхудалых, одетых в лохмотья людей, робко озираясь кругом. Попадаются все возрасты, начиная от грудного младенца и кончая старцами. Голодные, оцепенелые от пережитых ужасов, шли они молча. В печальных взглядах обессиленных путников написано было столько безысходного горя, столько безропотного отчаяния, что самые бесчувственные люди не могли бы пройти мимо равнодушно. Не слышно было ни стонов, ни вздохов и воплей, даже ни одна рука не протягивалась за подаянием. Да и что бы могли прибавить слова и жесты, чего и так говорили с потрясающим реализмом эти впалые, потухшие, глубоко печальные глаза, видевшие гибель всех и всего, что дорого человеческому сердцу, эти побелевшие, сжатые уста, долго, но напрасно взывавшие к небу и людям о защите.

Тысячами переходят они границу, направляясь в Эчмиадзин, Тифлис, Эриван. По распоряжению Католикоса армян все монастыри открыли ворота для переселенцев. Там их кормят, одевают, оказывают первую медицинскую помощь. В Тифлисе устроены бесплатные обеды; помогают также единоверцы-поселяне. Но нужда очень велика, а средств нет.

Бежавших из Турции следует разделить на две категории: одни, которым удалось кое-как спастись от общего избиения и бежать, оставив всё: и дом, и имущество в добычу курдам и туркам, и другие, которые, предчувствуя угрожающую опасность, сумели заблаговременно подумать о себе и перейти границу раньше начала резни христиан.

Большинство беженцев принадлежит к первой категории, а так как такие заботились лишь о своём спасении, преследуя одну заветную думу — бежать и как-нибудь достигнуть границы русской империи, то они, лишённые всего у себя на родине, не имели возможности взять что-либо с собой, хотя бы одеяло или одну смену белья;

они бежали *в своей обычной одежде*, которая во время пути совершенно изорвалась, износилась и едва могла прикрывать наготу беглеца».

Понятно, что не все беженцы достигли русской границы. Немало их умерло в дороге от голода и болезней, иные погибли от рук курдов или турков. А те, которые перешли границу и «попали в рай из ада», как говорили они сами, разбрелись в основном по деревням.

Мои родители бежали разными путями и попали, конечно, в разные населённые пункты. Выбор, как правило, определялся на так называемом общем совете группы беженцев. А группа чаще всего складывалась из людей одного села в Турции, то есть тех, которые хорошо знали друг друга. Семья матери сразу каким-то образом добралась до Хелендорфа и обосновалась в этой немецкой колонии. А группа,

в которой находился мой отец, добралась аж до Владикавказа. Там, на окраине города, не без помощи добрых людей отец слепил некое подобие жилой сараюшки, в которой жил с матерью, сестрой и племянником, тем самым младенцем, которого он по счастливому стечению обстоятельств подобрал на дороге. Работать они устроились батраками у одного богатого осетина. Но прожили там недолго, всего год. Его мать заболела тифом и умерла. Дети каким-то чудом избежали этой участи и переехали к старшим братьям, которые жили в Тифлисе ещё задолго до войны.

В Тифлисе отец работал сначала разносчиком керосина, затем чистильщиком обуви – профессией, ставшей в каком-то роде национальным атрибутом, принадлежностью ассирийцев в России. Мать в Хелендорфе определилась сразу и надолго. Её взяла к себе в прислуги богатая немецкая семья.

Мужем и женой мои родители стали где-то в середине 20-х годов по настоянию старшего брата матери, того самого Надыра, который был в ссылке в Турции. Он ещё в Турции знал моего отца и считал, что для его сестры не найти лучшей пары. И хотя моя мать так не думала, но она знала, что с её мнением считаться никто не будет. У ассирийцев был такой обычай или порядок, что в доме во всем распоряжается мужчина, глава семьи. С его смертью эти права передаются не жене, а старшему из сыновей.

Так было и, пожалуй, до сих пор остаётся в большинстве ассирийских семей. В нашей семье было всё наоборот. Правда, поначалу мать слушалась отца и поехала с ним жить в Тифлис. Своего угла у них ещё не было, и жили они, естественно, у родственников отца. Моей матери сразу не понравился, как она выразилась, «климат в семье». А насаждать свой было как-то не с руки. Говорят ведь, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят. И мать поставила отцу условие (неслыханная для ассирийских семей дерзость!): либо мы возвращаемся в Хелендорф, либо разводимся – так жить мы не будем.

И они вернулись в Хелендорф, впоследствии переименованный в Ханлар. Мать снова взяли в прислуги в немецкий дом, а отец устроился путевым обходчиком на железной дороге. Жили они в небольшом флигеле во дворе у немцев, народили и вырастили семерых детей.

Социальные бури России – революция, Гражданская война – прошли как-то мимо и никак на их положении не отразились. Скорее всего потому, что жили они на самом дне общества, которое невозможно раскачать никакими социальными штормами. Там, на верху, дерутся за власть, а нам здесь – всё одно, что царь, что советская власть. Правда, когда Советы окончательно утвердились в Закавказье, дошли руки и до недавних беженцев. Им выдали сначала не паспорт, а некое подобие вида на жительство. При оформлении этих документов у ассирийцев впервые появились такие понятия, как фамилия, отчество, образование и даже год рождения. Дело в том, что никто из тех, кто бежал из Турции, не знал, когда он родился. Определением их возраста занималась специальная медицинская комиссия. Врачи определяли, кто когда родился, и на основании их выводов вписывали год рождения в регистрационный документ.

Эти же данные потом перешли в паспорт, когда примерно в середине 30-х годов принимали советское гражданство. Конечно, оценки врачей были приблизительными, но так с приблизительными данными мои родители и прожили всю жизнь.

С переездом в Ханлар отец несколько лет работал путевым обходчиком на железной дороге, но в один, очевидно, не совсем прекрасный день его дрезина на полном ходу перевернулась, и он, получив травмы, чудом остался жив. Долгое время он пролежал в постели, ещё дольше восстанавливал способность своего организма к физическим нагрузкам. Чтобы хоть как-то прокормить семью, он на период болезни стал надомником: латал резиновую обувь, велосипедные камеры, мячи. С началом коллективизации записался в колхоз. Для него, потомственного крестьянина, сельское хозяйство было всё-таки ближе и понятнее.

Мать по-прежнему продолжала работать у немцев, пока последних в 1941 году не сослали в Казахстан. В доме своих хозяев моим родителям выделили кухню и одну комнату. Правда, ко всему этому нашей семье принадлежал и двор, и сад, и все хозяйственные постройки.

Но в 49-м вслед за немцами отправились и мы.

В 1955 году мы получили вольную. В нашем посёлке это была первая ласточка свободы. Я не знаю, почему такая честь выпала нашей семье, но было приятно, когда к нам заходили, чтобы посмотреть на эту «волшебную бумагу». Впрочем, волшебного в ней не было ничего – всего пол-листка из школьной тетради, на котором было написано, что такой-то имярек, уже не турок, как о нас говорили раньше, а ассириец. Да к тому же гражданин СССР. И что он «на основании определения Верховного Суда СССР от 19 апреля 1955 года с учёта спецпоселения снят» и может получить в районном отделении милиции паспорт. И всё.

Выдали эту бумагу в комендатуре, когда ходили в очередной раз отмечаться. И никто ничего не объяснил, почему нас, сосланных навечно, вдруг освобождают. Может, кто за нас похлопотал? Другим пока таких «вольных» почему-то не давали. Разговоры, конечно, такие были, что за нас похлопотал наш зять, офицер. У нас такой уверенности не было, поскольку мы знали, что он никуда ничего не писал. Но родители были признательны ему уже за то, что он за всё время нашей опалы от нас не отрёкся, не испугался угроз лишения партийного билета, изгнания из армии. И даже отпуск свой он дважды проводил всей семьёй у нас, в Сибири.

Вскоре также буднично выдали такие «волшебные бумажки» всем остальным нашим соотечественникам, закрыли комендатуру и забыли о нашем существовании. Много позже мы узнали, что работники МВД, выдавая нам «вольную», сознательно «забыли упомянуть», что мы имели право в течение двух лет потребовать компенсацию за утерянное (хотя точнее было бы сказать – конфискованное) имущество.

Мы тогда были рады одной этой бумаге, и в мыслях не было никаких надежд, что кто-то чего-то нам может вернуть. Разговоры среди ассирийцев пошли о том, как собираться в дорогу и куда возвращаться: «на родину», в свои прежние жилища, или ещё куда-то.

Мать от возврата отказалась сразу и бесповоротно.

– Куда возвращаться? К мусульманам? Мало они над нами произошли? Дважды за свою жизнь – в 15-м и 49-м – нам они принесли такие страдания, а мы опять к ним? Здравствуйте! Будьте

любезны освободить наши квартиры. Так, что ли? Да кому мы там нужны?

– Верно, мать, – отвечал ей отец, – никому мы там не нужны. А кому мы нужны вообще? Где нас ждут?

– Дети мои, – говорила нам мать, – запомните мои слова: в своей трудной и непростой жизни нам пришлось жить со многими народами. И скажу вам, что русская нация, наверно, не самая лучшая. Но судьба наша повернулась к нам вот таким боком, она обручила нас с русскими. С ними жить можно, хотя много среди них таких, о которых говорят – «без хозяина в голове». И в то же время они добре других. Вам лучше будет с ними. Они не станут вас отторгать, как это постараются сделать другие.

И родители мои остались в этом сибирском посёлке еще на целых 14 лет. А мы, дети, разъехались, кто куда, чтобы «выучиться и выйти в люди». И чтобы потом помочь родителям выбраться из Сибири.

Мало кто из наших соплеменников остался в Сибири, буквально – единицы. Основная масса вернулась в Азербайджан, на прежнее местожительство; некоторые поехали в Армению, кто имел там хоть дальних родственников; еще меньше было тех, кто уехал на юг России – в Краснодарский или Ставропольский край.

Мне было 14 лет, когда я покинул родительский дом, но до сих пор я с любовью и нежностью вспоминаю трудные и вовсе недетские годы под родительским крылом. Не было у меня «беззаботного пионерского детства», но годы отрочества и юности, прожитые вдали от родителей, были пасмурнее, холоднее, бесприютнее.

Родители мои не дождались объяснений от государства, за что были сосланы в Сибирь. В 1992 году, когда уже не было Советского Союза, я получил сразу две справки: УВД администрации Томской области и Верховного Суда СССР от 3.12.91 года. В первой бумаге я был обозначен как «член семьи социально опасного элемента», а во второй – «как член семьи турецкоподданного». Из справки Верховного Суда о реабилитации я узнал также, что наша семья была сослана на спецпоселение на основании постановления Особого совещания при МГБ СССР от 12 ноября 1949 года, то есть решение принималось спустя четыре месяца с момента высылки. Выходит, что 14 июня никакого постановления о нашем «спецвы-

селении» не существовало? Тогда что было? Был только приказ? Нам, конечно, было всё равно – чей: Багирова, Берии или Сталина. Чиновник иного уровня таких решений принимать не мог. Такова была «практика» Советской власти, таков был порядок соблюдения законности высокими инстанциями, которых мы считали «умом, честью и совестью эпохи».

Впрочем, только ли они так размышляли? Вот передо мной документ №54 из того же Сборника документов и материалов «Из истории земли Томской». Он настолько любопытен, что я постараюсь привести его полностью:

«Ходатайство

Томского обкома ВКП(б) в МВД СССР

О дополнительном вселении спецпереселенцев в северные районы области.

14 февраля 1950 г. Томск

Правительственное

При вселении в прошлом году в нашу область спецконтингента мы не смогли его завести в Пудинский, Александровский, Васюганский, Верхне-Кетский и другие северные районы области, крайне нуждающиеся в рабочей силе для развития сельского хозяйства, лесной промышленности и других отраслей хозяйства. В связи с необходимостью заселения этих и других районов просим вселить в Томскую область в течение ближайших трех лет 50 тысяч рабочих, в том числе в текущем году 25 тысяч, из которых 8 тысяч – для лесной промышленности.

Секретарь Томского обкомпарта

Смольянов».

Вот так – понятие «социально опасный элемент», опасность которого ни на каком уровне не рассматривалась, служило достаточным основанием для разорения и унижения людей, для лишения их и без того скучных гражданских прав. С людьми поступали как с вещью. Их не спрашивали, ими просто распоряжались. По своему усмотрению. Защитники сталинизма нынче называют это **целесообразностью**.

Готовя этот материал к публикации, я имел возможность благодаря Петербургскому отделению «Мемориала» ознакомиться с пресловутым Постановлением Совмина от 29 мая 1949 года, на основании которого были сосланы в Сибирь и Казахстан около 37 ты-

сяч греков, курдов, ассирийцев, из них более 10 тысяч, уже имевших советское гражданство. О том, что эта акция не была «инициативой» одного Багирова, говорит и тот факт, что в день нашей высылки, а именно 14 июня 1949 года, в Томском облисполкоме состоялось секретное совещание, на котором обсуждался вопрос «о приёме и расселении в районы области прибывающих спецпереселенцев-турок».

Впрочем, я ни на кого не в обиде. То, что случилось с моими родителями, нашей семьёй и более того – с нашим народом, очевидно, имеет некую закономерность. Если взглянуть несколько отстранённо на XX век и наше – ассирийцев России – место в нём, то трудно себе представить какой-нибудь другой, более благожелательный сценарий жизни. Нет, я не исключаю, что у многих наших соотечественников могла быть и была вполне благополучная биография. Но это скорее всего – исключение. В целом же, я думаю, планида у нас другая. Народ наш попал в жернова истории, как известно, в очень стародавние времена. И то, что он до сих пор не перемолот, а его разными путями пытаются перемалывать, заслуга не истории, а собственно ассирийского племени. Это оно, как может, сопротивляется, пытаясь сохранить своё лицо, не заявляя громко ни о себе, ни о своих претензиях. Это оно, живя анклавами в разных уголках земного шара – от Америки до Австралии, – даёт миру знать, что оно живо.

Пока – живо. Потому что жернова истории не истёрлись, а продолжают свою губительную для одних и очистительную для других работу.

Странные иногда возникают мысли. И их странность чаще всего проистекает от ощущений, испытываемых человеком во времени. Всю свою жизнь, если не считать младенческого периода на Кавказе, я прожил в России, среди русских. Я впитал в себя русскую культуру, русский образ жизни не потому, что я так хотел (хотя и это имело место), а потому что мне другого не было дано. Я себя не вижу вне русского духа. Увы, но это так. И все, кто меня знал и общался со мной, относились ко мне, как к русскому. Меня не могли отнести к инородцам. А я тем не менее инородцем себя ощущал. Вернее, не я себя ощущал, а обстоятельства давали повод ощущать себя так.

Каждый раз, когда меня принимали на работу или службу и мне нужно было писать автобиографию, определённые «пятна» моей биографии немедленно сказывались на моём состоянии. Мне трудно сейчас определить, что за « пятно» считалось более тёмным – моя национальная принадлежность или ссылка, – но реакция на то, куда меня определить, мгновенно и безошибочно срабатывала. Во всё советское время ссылка, конечно, считалась тёмным пятном в биографии без всяких кавычек. Мы стеснялись её, а не кичились, как многие сегодня. Но, думаю, что на мою судьбу влияла не только ссылка, но и национальность.

Хотите – верьте, хотите – нет.

И всё же наше «инородство» не вписывается в устоявшееся понятие. Само слово как бы намекает, что ты человек иной родины, другой земли.

Какой?..

Санкт-Петербург, 1 января 2005 г.
Январь 2005 г.

Санкт-Петербург, 1 января 2005 г.
Январь 2005 г.

Санкт-Петербург, 1 января 2005 г.
Январь 2005 г.

Содержание

1. Русский исход (документальная повесть).....	3 стр.
2. Земская грамота (мысли вслух).....	169 стр.
3. Инородцы (память о близком и далёком).....	241 стр.

Книга издана в рамках проекта
«Издательско-полиграфическое и
литературное наследие Льва Толстого»
при поддержке Фонда президентских грантов
и АНО «Национальный центр по сохранению
и развитию культурного наследия им. А.С. Пушкина».
Министерство культуры Российской Федерации, Государственный центр по изучению творчества А.С. Пушкина при поддержке Фонда президентских грантов, АНО «Национальный центр по изучению творчества А.С. Пушкина», АНО «Национальный центр по изучению творчества Л.Н. Толстого»

**Шлимонов
Леонид Хамисович**

РУССКИЙ ИСХОД

Подписано в печать 04.02.2008. Формат 60x90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 18,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 2396.

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

ISBN 5 98361 053 - 8

9 785983 610538